
Адриана Дари
Его обвиняемая
Рецепт помилования
18+

Мир арканов

Адриана Дари

Его обвиняемая. Рецепт помилования

«Автор»
2026

Дари А.

Его обвиняемая. Рецепт помилования / А. Дари — «Автор», 2026 — (Мир арканов)

(Наследство с проблемами, или Дракон в моей оранжерее) Ночь, улица, фонарь, аптека... новый мир. И суд, на котором хотят повесить на меня все чужие грехи! На кону – богатое наследство: огромные территории и оранжерея с уникальными лекарственными растениями. Из плюсов: сразу на рудники не отправили, решили детально разобраться. Дали мне время обжиться, привести оранжерею в порядок, открыть аптеку и найти доказательства своей невиновности. Из минусов: разбираться во всем будет столичный лорд-дракон. Влиятельный и хмурый мужчина, который почему-то очень заинтересовался моим делом. Делом, я сказала, а не мной! * Попаданка, которая не готова сдаваться, поэтому оранжерея и аптека в надежных руках * Властный дракон, который терпеть не любит, когда его не слушаются * Оранжерея с растениями, которым требуется забота (обеспечим!) * Счастливый конец Книга закончена, но в процессе редактуры!

© Дари А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 27
Глава 8 31
Глава 9 34
Глава 10 38
Глава 11 41
Глава 12 44
Глава 13. Кайан Рад’Исент 48
Глава 14 51
Глава 15 54
Глава 16 57
Глава 17 60
Глава 18 64
Глава 19 68
Глава 20. Кайан Рад’Исент 71
Глава 21 73
Глава 22 76
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Его обвиняемая. Рецепт помилования

Глава 1

– Вы признаете себя виновной, неара Торн? – голос врезается в сознание, как лезвие.

К горлу подкатывает противный комок, и все плывет, как будто мир уходит из-под ног. Противные вертолетики.

Я хочу разлепить веки, но все расплывается в мутное пятно. Голова словно вот-вот лопнет – классическая мигрень с аурой, когда свет режет глаза, а виски пульсируют в такт сердцебиению.

Пытаюсь привести мысли в порядок, но выходит как-то не очень.

Помню, как закрыла аптеку, по сырым, грязным улицам с полурастаявшим снегом шла домой. Под ногами хлюпало. Так себе аккомпанемент для окончания трудового дня. Не фанфары, увы. Но и не траурный марш, что тоже неплохо.

Героически добрела до своего двора, где вечно разливалась лужа, которую только вплавь. А на доме нервно мигал фонарь, словно передавал сообщение азбукой Морзе. Точно помню, что у меня мелькнула мысль, что все по Блоку.

А потом… Что было потом? И какого черта так болит голова?

– Неара Торн, – снова этот голос, усиливающий разрывающее ощущение в мозгах. – Вопрос требует ответа. Вы признаете себя виновной?

Я моргаю, пытаясь сфокусироваться и отрешиться от неприятных ощущений. Перед глазами медленно проступают контуры: высокие потолки, темное дерево, ряды скамей. Зал… суда? И снова вопрос: какого черта?

Я опускаю взгляд на собственные руки и не узнаю их. Тонкие, бледные, с длинными изящными пальцами. И без пластыря поперек правой ладони – обожглась вчера сильно, а волдырь сразу лопнул.

Это точно не мои руки. Очешуеть!

– Неара Торн! – вопрошающий повышает голос.

Я вздрагиваю. Инстинкт – штука забавная. Мой рот открывается сам собой:

– Не признаю, – произношу я.

Немного вяло, тихо, но точно не своим голосом. Выше, мягче, с каким-то мелодичным акцентом, которого у меня отродясь не было. Я сглатываю, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

По залу проносится шепоток, слышатся женские “ах”. В голове начинает проясняться, хотя виски все еще безумно ломит.

– Интересно, – слева раздается приятный, вызывающий мурашки баритон. – Очень… интересно.

Я поворачиваю голову – слишком резко, мир снова качается так, что я вцепляюсь пальцами в скамью, на которой сижу, – и встречаюсь взглядом с ним.

Ощущение, как будто в кадре на героя навели крупный план. В поле зрения – только он, потому что все остальное меркнет на его фоне.

Мужчина стоит у края возвышения, рядом со столом судьи, скрестив руки на груди, и смотрит на меня так, будто я – особо занятная бактерия под микроскопом. Высокий – метр девяносто, не меньше.

Широкие плечи, затянутые в темно-синий мундир с золотыми эполетами, темные волосы по плечи небрежно откинуты назад, в них то там, то тут серебрятся белые прядки. Но он явно молод, не старше тридцати пяти.

Резкие скулы, прямой нос, мужественная линия челюсти. И глаза. Голубые. Нет, ледяные, а в них – жесткость и отблески стали.

Красивый. Опасный. Моя личная катастрофа в эффектной упаковке, судя по тому, как в зале все замерли.

– Прошу вас, шадхар Рад'Исент, не требуйте от моей падчерицы много, – позади слышится подобострастный голос. – Она еще очень молода, неопытна… Не понимает, что для того, чтобы приговор был мягче, лучше признать свою вину.

Я даже не выдерживаю и оглядываюсь на этого умника. С виду пожилой герой исторических фильмов, какой-нибудь почти разорившийся добряк-граф.

Он выразительно, даже немного снисходительно смотрит на меня, как на на совсем наивную дурочку. Только вот внутри меня есть ощущение отторжения.

Значит, отчим? И предлагает признать вину, чтобы поменьше наказали? Что-то мне это напоминает.

– Вам не давали слова, ноар Крауг, – отбривает тот самый, которого назвали шадхаром. – Неара Торн. И почему же вы решили изменить свои показания?

Он смотрит не в глаза, он смотрит прямо в душу, и это выбивает из колеи. Потому что я не помню…

И тут голова снова взрывается болью. В мозг будто впиваются тысячи ледяных игл, а перед глазами мелькают картинки, как будто вспышки-обрывки чужих воспоминаний.

Мать, которая долго убивалась после смерти отца, но потом все же сдалась и вышла за этого Крауга.

Бесконечные пирушки отчима, какие-то мутные его друзья, ссоры, иногда драки.

Болезнь матери, медленное умирание нашего поместья. Мои слезы на могиле родителей.

А потом чужие люди в форме, которые пришли и поставили перед фактом, что у меня нашли доказательства контрабанды, и я арестована. Как раз после того, как я стала совершеннолетней и могла вступить в права наследования.

Контрабанда эфиролитов, камней из разломов, напитанных дикой магией, карается одним – казнью.

Вот мерзавец…

Я начинаю осознавать всю опасность моего положения и необходимость выкарабкаться, чего бы мне это ни стоило.

– Неара Торн, вы заставляете меня повторять вопрос, – Рад'Исент лениво подходит ближе и смотрит на меня, словно ожидает, что я вот-вот ударюсь в истерику. – Почему вы решили не признавать вину?

Сейчас прям! Точно не на глазах у всех этих жаждущих представления людей.

– Потому что все доказательства сфабрикованы, – отвечаю я, приподняв подбородок и выпрямив спину. – Я не виновна в том, в чем меня обвиняют.

Тишина становится гуще, тяжелее. Рад'Исент выгибает бровь, один уголок рта чуть приподнимается, обнажая край слишком белого, слишком острого клыка.

– Смелое заявление для той, что чуть не падала в обморок от страха, – медленно, с каким-то пренебрежением произносит он. – Впрочем, как и полагается дамам вашего типа. И вдруг… И какие же у вас есть основания для такого серьезного заявления?

"Дамам моего типа"? Это каким же? И какие у меня основания? О, только самые лучшие! Интуиция и дикая злость.

– Потому что все найденные доказательства были собраны с нарушениями, без свидетелей и моего присутствия, – твердо говорю я, зная, что именно так и было. – Документы подделывают, улики подкидывают, а доверчивых девочек ломают. Но, как вы верно заметили, шадхар Рад'Исент… у меня сегодня день храбрости. Наверное, погода меняется.

В его глазах мелькает искра, а на губах – усмешка. Интерес наблюдателя, смотрящего на муху, попавшую в паутину, которая все еще надеется вырваться. Едко так, размышляя – сама удавится, или размазать.

– Я видел сотни таких, как вы, неара Торн, – говорит он. – Избалованных девиц, которых алчность или глупость завели дальше, чем можно было себе представить. Так что не тратьте мое время на спектакль. Подумайте, не стоит ли признаться? Если я найду правду сам, то вам это понравится еще меньше.

Я смотрю прямо ему в глаза, рискуя вызвать на себя гнев, и молчу. Что бы там ни было дальше – ссылка, казнь, чай с печеньками, – я уже проиграла, если сдамся сейчас.

Кайан резко отворачивается, разорвав магию этого напряженного диалога взглядов, и бросает судье, не повышая тона, но так, что слова пробивают гул зала насквозь:

– Я принял решение.

Зал замирает, слышно даже какую-то муху, которая мечется под потолком. И бесит.

Ситуация прямо как в театре, только на кону моя шея. Или что мне грозит вместо виселицы?

Все смотрят на Рад'Исента и ждут. А он выдерживает театральную паузу, которая призвана заставить адреналин выплеснуться в кровь от волнения. Шадхар Кайан Рад'Исент – память Элис подсказывает, кто-то типа главного дознавателя в их мире – останавливается прямо передо мной, глядя сверху вниз.

Вблизи он еще более внушительный – от него исходит какая-то физическая, почти осязаемая волна силы. И запах… Запах дыма, металла и чего-то терпкого, хвойного.

– Я отправляю дело на доследование, – говорит шадхар. – Беру его под личный контроль.

Я чуть было не закатываю глаза от облегчения, но вовремя осознаю, что это, наверное, будет совсем лишнее в этой ситуации.

– Что? – судья в сером свалявшемся парике чуть не вскакивает с места. – Но как? Все доказательства собраны, дело уже в суде…

– И вас устроили эти доказательства? – спокойно спрашивает Кайан, но даже я слышу в этом подтекст: лучше сказать "нет". – Судья Элмис, вы считаете, что главный шадхар Совета Арканов не имеет права пересмотреть дело, от которого несет фальсификацией? Или вы боитесь, что я найду что-то незаконное?

Судья икает и сразу же опускается на свое место.

– Что вы, просто такому важному человеку, как вы, ковыряться в таком маленьком деле… – теперь вступает местный обвинитель. – Здесь же все очевидно: неара пыталась как-то вылезти из долгов и связалась не с теми, теперь пытается оправдаться, разжалобить вас своими женскими уловками.

– И вам не показалось странным, что малахольная девица, умеющая хорошо если иголку с ниткой в руках держать, смогла провернуть сложнейшую схему с контрабандой? – вокруг шадхара будто сгущается воздух, электризуется и делает Кайана еще опаснее, чем он выглядел до этого. – Или вы считаете, что я могу повестись на это бледное несчастное личико? А может, не смогу разобраться, где ложь и игра, а где правда? И кто на самом деле стоит за всем?

Что? "Малахольная девица"? "Бледное несчастное личико"? Да он сам-то пробовал жить на те крохи, которые отчим еще не успел проиграть? Считает себя самым умным, а все туда же!

Обвинитель тоже затыкается, краснеет и прикидывается ветошью, чтобы его самого в чем-то не обвинили.

Вот и понятно: никаких вопросов больше не осталось. А, нет… У меня вопрос: а со мной-то что будет?

– Неара Торн будет помещена под домашний арест в родовом поместье, – отвечает на мой мысленный вопрос Кайан. – До окончания расследования ей запрещено покидать территорию имения. Печать на документах конфискована. Доступ к финансам ограничен.

Не тюрьма, но и не свобода. “Все включено”, но без права выйти за калитку. Хотя… учитывая альтернативу – сырая камера и ожидание казни, – это уже победа.

– Слава Айдарису! – раздается голос отчима за спиной. – Бедная девочка, как же я за тебя рад… Шадхар Рад’Исент, я обещаю позаботиться…

Лицо – маска отеческой заботы. Просто прелесть. Ага, а в глазах мысль: “Придушу, как только будет возможность”.

– Нет, ноар Крауг, – голос Кайана режет воздух, как лезвие. – Неара Торн достигла совершеннолетия две недели назад. По законам Альэртеи родовое поместье с этого момента перешло в ее полную собственность. Ваши полномочия опекуна имущества автоматически прекращены. Вы унаследовали квартиру в доходном доме в городе.

Отчим осекается и замирает с полуоткрытым ртом. Кажется, он этого не ожидал.

– Но… традиции… я как ближайший родственник… – пытается оспорить Вальтер.

– Отчим, – отрезает шадхар. – И, учитывая, что вы являетесь ключевым свидетелем по делу и потенциально заинтересованным лицом, ваше присутствие на территории поместья я расцениваю как угрозу следствию.

Ну хоть у кого-то в этом помещении есть мозги, а не только потрясающий внешний вид и будоражащий воображение голос.

– И добавьте в постановление: ноару Вальтеру Краугу до окончания расследования без моего личного разрешения запрещено появляться в имении Торнов и приближаться к его границам ближе, чем на пятьсот шагов. Нарушение карается арестом сроком на тридцать дней. Считайте, что вам повезло. Обычно за вмешательство в расследование я сажаю глубже и на дольше.

В зале проносится сдавленный смешок. Вальтер сжимает челюсти и бросает на меня злой взгляд. Я успеваю это заметить, но он тут же натягивает маску оскорбленной невинности.

– На этом все? – небрежно спрашивает Кайан.

Судья, наученный опытом, сомневается, но все же продолжает:

– К сожалению, у нас на рассмотрении еще одна претензия к неаре Торн, – он делает паузу, с опаской глядя на шадхара. – По неуплате налогов в казну в размере годового сбора…

Сколько?! Я чуть вслух не восклицаю. Это дорогой отчим Элис еще и налоги весь год не платил? Да я не соберу столько с тем, что там осталось от поместья!

– А вот это уже не относится к моему делу. Рассмотрите претензию, когда я закончу следствие, – распоряжается Рад’Исент, только отсрочивая мои проблемы. – А чтобы обеспечить справедливое расследование и выполнение всех моих распоряжений, я буду следить за всем лично. Проживая в особняке вместе с неарой Торн.

Глава 2

– Но позвольте… Жить незамужней молодой девушке одной в доме с мужчиной… – бубнит судья.

– Не позволяю, – твердо отвечает шадхар. – Особняк Торн – это не две комнаты, одна из которых кухня. Я – не охотник за девичьими сердцами, я охотник за теми, кто презирает закон. А неара Торн, я надеюсь, понимает, что любой флирт будет рассматриваться как попытка влиять на следствие.

Мне достается ледяной, пронизывающий взгляд, в котором так и читается: “От этой бледной моли мне точно ничего не надо, даже если вешаться будет”. Да как будто мне этот шадхар сдался! Особенно в моем поместье!

Но этот взгляд задерживается на секунду дольше, чем нужно. Мурашки пробегают не просто по коже, кажется, у меня все внутренние органы покрылись бы ими, если бы могли.

В глазах шадхара не просто любопытство – в них оценка. Как я отреагирую? Оскорблюсь? Закачу истерику?

Не дождется! Мужик в доме еще никогда не был лишним, особенно когда требуется ремонт и грубая мужская сила. А насколько мне подсказывает память Элис, эта самая сила там будет крайне необходима.

– Что ж, раз мы все решили, – шадхар обводит коллегию присяжных, всех зрителей и в самую последнюю очередь судью, – тогда я считаю сегодняшнее заседание завершенным. Неара Торн, прошу пройти со мной.

Он разворачивается и направляется к выходу, его плащ развевается за спиной, словно крылья. Я смотрю ему вслед и понимаю одну простую вещь: скучно мне точно не будет.

Поездка на экипаже оказывается далека от удобства. Замерзшая грязь – не самое ровное покрытие, а у кареты рессоры жестковаты, поэтому, несмотря на мягкие диваны, нас трясет и мотает всю дорогу, пока мы не выезжаем на серпантинную дорогу, выбитую прямо в скалах.

Как я поняла, суд закончился еще до полудня, потому что в пути до сумерек проходит не меньше пяти часов, хотя солнца на небе я так и не вижу. Большую часть времени экипаж двигается в плотных объятиях тумана, и все, что мне удается увидеть, – это очертания огромных стволов деревьев.

Рад’Исент, которого я решила мысленно называть Кайаном – а нечего такие сложные фамилии носить! – расслабленно сидит напротив меня и делает вид, что спит. Его трясет гораздо меньше, потому как он сам больше, да и весовая категория у него другая.

В тесном пространстве экипажа исходящая от шадхара волна силы чувствуется особенно сильно, а запах – дым, металл и хвоя – остро.

Память Элис подкидывает мне то, что известно об этом человеке. Нет, это не человек, это аркан. Конечно, мои рациональные мозги с трудом принимают подобную информацию. Но о какой рациональности вообще можно говорить, когда я внезапно стала другим человеком, живущим в магическом мире?

Магия или, как тут ее называют, эфир – это то, что сочится из межмировых разломов, раскиданных по всему миру. И именно арканы могут ее использовать напрямую, превращая в магические заклинания, плетения, а некоторые и придавая ей материальные очертания.

Так вот шадхар, “спящий” напротив меня, как раз может использовать магию, а у Элис практически нет этого умения. Даже крохи, которые позволяли ее отцу делать лекарства эффективнее, она не унаследовала. Как простолюдинка.

У меня даже притвориться расслабленной не получается, и не только потому что меня болтает туда-сюда. Я пытаюсь не думать о том, что со мной произошло, но точно знаю, что все

происходящее реально. Я теперь в этом теле. Это моя жизнь. И чтобы выжить, надо решать насущные вопросы. Иначе я могу закопаться в страхи, сомнения. И, не дай бог, вообще впасть в панику!

Нельзя мне сейчас. Да и вопросов, которые требуют внимания, слишком много.

Долг. Огромный долг за поместье, который может уничтожить меня, даже если меня оправдают в деле контрабанды. Отберут поместье и отправят на рудники выплачивать долг. Одно хуже другого.

Единственный шанс – деньги. И единственный легальный и возможный для меня способ их получить – возродить аптекарское дело отца Элис. Но как это сделать, если нет даже ингредиентов? Срочность задачи сдавливает виски больнее мигрени.

Я закрываю глаза, пытаясь отогнать накатывающую панику. Рационально. Нужно мыслить рационально. Аптека отца Элис когда-то кормила семью. Он создавал лекарства, которые ценились даже в столице. Рецепты… рецепты должны быть. В лаборатории, в его кабинете. Но рецепты – это бумага. Нужны растения.

У меня нет денег, нет времени. Зато есть руки, голова и моя собственная, отчаянная решимость, потому что Элис особо тоже ничего не умела, кроме как вышивать и немного рисовать. У девочки было слабое здоровье. И отец, который знал фармацевтику в совершенстве, пытался поправить ситуацию, как мог, но при этом не успел ничему обучить дочь.

У матери Элис с созданием лекарств было намного хуже, денег они приносили меньше, сил уходило больше, да и времени тоже. Сначала графиня находила в этом утешение после смерти мужа, а после брака с Краугом быстро сгорела, так и не передав умения дочери.

Вот и осталась Элис с отчимом, который благополучно профукал все, что было, оставил поместье в долгах, да еще и подставил девчонку, скинув на нее наверняка свои же грешки. Я видела его взгляды.

Мы все еще тащимся по крутому серпантину, хотя уже сгущаются сумерки, затапливающие карету. Мне становится все менее комфортно. Хочется надеяться, что мы доедем до того, как наступит настоящая темнота.

Я бросаю взгляд в окно. С одной стороны тянется серая, припорошенная снегом скала, а с другой сквозь мутную пелену доносится грохот беснующегося Стального моря.

Видимо, в какой-то момент я начинаю уже совсем нагло пялиться на своего конвоира, так что он не выдерживает и с насмешкой спрашивает:

– Любуетесь? Или думаете, успеете ли сбежать?

– Вообще-то я еду домой, шадхар, – возражаю я. – Да и… говорят, что от Когтя не сбежать.

– Врут, – Кайан перестает притворяться спящим. – Никто еще не рискнул попробовать.

Какой же он самонадеянный индюк! От этого его заявления мне даже приходит в голову мысль прямо сейчас выпрыгнуть из кареты. Правда, вид отвесной скалы снаружи заставляет передумать.

– Значит, едете домой? – решает возобновить разговор Кайан. – Наверное, уже и не надеялись на это.

– Надежда, знаете ли, умирает последней. Иногда даже позже самого человека, – как-то слишком философски замечаю я.

– Даже когда подписывали признательные показания? – как-то чересчур хитро спрашивает шадхар.

– Я их не подписывала, – твердо отвечаю я, словно слайды пролистывая картины из прошлого Элис.

Чем больше времени проходит, тем проще мне управляться с чужими воспоминаниями. Они для меня как кадры фильма, который можно перематывать и выделять нужное. Лишь время от времени я ловлю в себе какие-то отголоски ее эмоций, и то очень тусклые.

– Я успел ознакомиться с материалами дела, неара Торн, – интонация Кайана меняется, в ней появляется тот самый лед, который я видела в его глазах. – Там были ваши подписи.

– Мне ли вам рассказывать, как подделываются подписи? Особенно подписи наивных юных неар? – саркастично отвечаю я. – Мне сказали, что если я признаюсь на суде, то меня могут и простить на первый раз.

– И… вы поверили? – ехидно хмыкает он. – Вы, неара Торн, или беззастенчивая лгунья, или, что скорее, романтичная особа, в голове которой только дамские романы о любви и справедливости мира. Но, знаете, что я вам скажу, мир не добр. А благородные арканы давно продали свою душу. Ваш стержень, который вы хотите показать, – это всего лишь испуганное упрямство щенка, еще не понявшего, как больно его может пнуть нога того, кому он доверится.

Какого шадхар высокого мнения обо мне. Заносчивый индюк.

– Учитывая, что вы сейчас везете меня домой, а не в подземелье, мой “щенячий стержень” помог мне выгадать время, – парирую я, стараясь, чтобы голос не дрогнул от обиды.

Со стороны Кайана доносится короткий, сухой звук, больше похожий на насмешку, чем на смех.

– Он значит, что ваше дело пока недостаточно скучно, чтобы его закрыть. Не более того. Не ищите в моих действиях симпатии, не обнадеживайте себе напрасно, – говорит Кайан, когда мы проезжаем через открытые ворота поместья. – Я убираю мусор. И пока не решил, кто здесь мусор – вы или те, кто вас подставил.

Экипаж останавливается, и Кайан вылезает первым, чтобы подать мне руку. Галантно, да. Если не брать в расчет все слова, так небрежно сказанные мне.

– Добро пожаловать в поместье Блан-на-Кар! – театрально делает приглашающий жест Кайан.

– Кажется, это я должна была вам сказать, – замечаю я, кутаясь в тонкое пальто, и кидаю взгляд на трехэтажный особняк Торнов.

В воспоминаниях Элис он выглядел намного лучше, как будто ее фантазия дорисовывала то, что хотела спрятать. А на самом деле даже в плотных сумерках заметно, что дому требуется качественный ремонт. Крыша местами явно протекает, штукатурка облупилась, плющ оплетает стены – что, возможно, даже хорошо, поможет держать тепло, – а из окон наверняка так сквозит, что прогреть дом практически нереально.

– Я осмотрю все вокруг, – бросает Кайан. – Идите в дом, неара Торн, и не пытайтесь сбежать. В ваших интересах вести себя хорошо. Я терпеть не могу, когда мои приказы не хотят слышать.

– Я и не собиралась, – бурчу я себе под нос. – Куда я от такого богатства…

Этот самоуверенный тип уходит куда-то налево, теряясь в сумраке, а я сначала хочу подняться на крыльцо, но потом замечаю оранжерею, пристроенную к восточной части дома. И меня тянет именно туда.

Поддавшись интуиции, я обхожу дом по небольшой мощеной камнем дорожке, спускаюсь на несколько ступенек и оказываюсь перед огромных размеров строением из стекла и металла. Даже несмотря на то, что часть стекол выбита, масштабность и любовь, с которыми строили оранжерею, видны до сих пор.

Постройка не кажется массивной, она, наоборот, как будто парит над каменным основанием. Мне даже очень хочется представить, какой была оранжерея, когда была новой. К сожалению, память Элис мне не помогает, а жаль.

Я с надеждой иду к крыльцу: если там сохранилось хоть что-то, то это уже больше, чем ноль. С этого можно и нужно начать. Шахдар пусть думает, что ему хочется, а мне некогда притворяться белоручкой. Я никогда не боялась испачкать руки в земле.

Дверь легко поддается – видимо, отчим не считал, что тут хранится что-то важное, и не запирал. А может, просто не от кого? Сама Элис не ходила в оранжерею.

Кто же занимался растениями? Возможно, приходящий садовник? Надо будет спросить у экономки. Если ее не уволил Крауг после того, как почти избавился от меня.

Я делаю шаг внутрь, спотыкаюсь, похоже, что-то задеваю, пытаясь удержаться на ногах, и только краем глаза успеваю заметить что-то летящее на меня сверху.

Глава 3

Я даже испугаться не успеваю, тело просто каменеет, а в голове проносится: “Недолго музыка играла”. Но мои ожидания рушит рывок. Резкий, сильный, выбивающий воздух из легких.

Меня впечатывает в твердую, как скала, грудь. Слышится звон бьющегося стекла, но я не чувствую ни одного отлетевшего осколка, хотя, судя по звуку, разлетелись они сильно. Зато очень ярко ощущаю горячие ладони, стиснувшие мои плечи, и жар чужого тела.

Шадхар стоит, даже не шелохнувшись, словно ничего особенного не происходит. Мне бы такое спокойствие. Хотя чего я хочу от военного, побывавшего не в одной кампании?

Он держит меня крепко, прижимая щекой к рубашке, сквозь которую чувствуется бешено колотящееся сердце. Вот горячий! На улице дубак, а он в мундире нараспашку.

Я кладу руки на его грудь, чтобы при первой же возможности отстраниться. Но… Господи, какой же он каменный! Под пальцами четко ощущается рельеф мышц. Это не надутые в спортзале бицепсы, это какая-то внутренняя, естественная мощь.

Кажется, все закончилось, я позволяю себе расслабиться, делаю вдох… и пропадаю.

Тот самый запах, что я почувствовала в зале суда. Только теперь ярче, еще острее, еще притягательнее… Дым, металл, хвоя.

Аромат окутывает, проникает прямо в мозг, вырубая логику напрочь. Мне хочется уткнуться носом в грудь Кайана и дышать, дышать этим запахом, пока не закружится голова.

Стоп! Это все минута слабости и испуга. Это просто несправедливо, что такой запах принадлежит заносчивому снобу, не видящему дальше своего носа.

Как вспомню все, что он мне наговорил, начинаю молиться всем местным богам, чтобы не убить его, пока будем жить под одной крышей, и отталкиваю его.

Шадхар выпускает меня из рук, издевательски заявляя:

– Еще немного, и я счел бы это флиртом, неара Торн. И это не в ваших интересах.

– О чем вы, шахдар? Это, кажется, ваши руки удерживали меня, – возражаю я.

– Я сделал это из корыстных соображений: у меня нет никакого желания заниматься сегодня отчетами, – усмехается Кайан. – Если вы решили убиться, неара, делайте это тихо и так, чтобы мне не пришлось писать объяснительные. Смерть подозреваемого до допроса – пятно на моей репутации.

Ну я же говорю: характер отвратительный!

Вокруг нас гаснет голубая пленка.

– Это был щит, – комментирует Кайан. – Мне не хотелось чинить одежду от порезов.

– Спасибо, – отвечаю я.

Ну в конце концов, он действительно спас меня, чего уж тут вредничать. Но этот тип, конечно, сразу же все портит.

– Я приказал вам идти в дом. Но по какой-то причине вы оказались тут. Прячете улики?

Делаю шаг назад, опять на что-то натыкаясь и едва не падая.

– Что вы, шахдар! Решила проверить, насколько тут не прибрано.

– Если вы под “не прибрано” имеете в виду гениальность инженерной конструкции, при которой одно неверное движение может привести к сломанной шее, то… пожалуй, тут весьма не прибрано, – иронизирует он и делает небрежный жест рукой.

В воздухе загорается несколько парящих огоньков… Внутри меня вдруг разжимается тугая, липкая пружина. Я ненавижу темноту. И то, что этот невыносимый шадхар так легко развеял ее, внезапно примиряет меня с его присутствием. Свет – это безопасность.

Картина открывается грустная. То, на что я неудачно прислонилась, было какой-то гнилой палкой, которая подпирала едва державшееся стекло крыши.

Я это понимаю, потому что таких тут еще несколько. Что ж… В гениальности того, кто это придумал, я теперь не сомневаюсь. Я даже рада, что Элис сюда не ходила: до суда бы она не дожила.

Кайан переводит взгляд с меня на конструкцию, потом наверх, на зияющую дыру в крыше, и тоже дает свою оценку:

– Потрясающе, – усмехается он. – Часть остекления, судя по всему, держалась исключительно на честном слове и вот этой палке. Гениальная архитектура. Дерни за веревочку – и похоронишь себя под осколками.

– Ну, кто же знал, что тут все держится на соплях и магии! – огрызаюсь я, отряхивая пальто, хотя на нем нет ни пылинки – спасибо его щиту.

– Магии тут как раз нет, – хмыкает шадхар, осматривая балки. – Сплошная гниль и разруха. Не ходите сюда больше без меня. Если не хотите стать удобрением для этих… гербариев.

– Это тоже приказ? – язвительно спрашиваю я, но он не отвечает. Мол, сама додумай.

Оранжерея – зрелище, конечно, жалкое. Почти все растения выглядят так, будто пережили апокалипсис. Листья пожухли и обвисли, на почве иней. Сердце сжимается от жалости. Я, конечно, не садовод года, но видеть, как умирает живое, больно.

Моя уверенность в том, что у меня получится быстро восстановить аптеку, осыпается осколками, примерно как сама эта оранжерея. Я не все растения даже узнаю, но уже сейчас появляется цель: выходить и вырастить. А когда есть цель, жить становится легче.

– Ничего, дорогие, – я глажу растения по листочкам, как будто успокаивая. – Я позабочусь о вас. Мы с вами еще подружимся, да?

– Разговариваете с растениями? – подтрунивает Кайан.

– Они хотя бы не язвят, – отзываюсь я. – И не обзываются, как некоторые.

Кайан ненадолго замолкает, но я вижу, как поднимается уголок его рта – понял, в чей огород камень.

– Мне говорили, что вы упали в обморок, когда вам сказали про обвинение. Может, и правда соврали? А сейчас идите в дом. Я проверил, на территории никого. Это приказ.

Мы возвращаемся к высокому крыльцу особняка. Кайан с легкостью открывает огромную массивную дверь с резным изображением терновой ветви, обвивающей склянку – вариация гербового изображения Торнов.

Дверь слегка скрипит и впускает нас в большое темное помещение, в которое мне удается заставить себя войти только после того, как шадхар также освещает с помощью нескольких плавающих огоньков. Элис никогда не видела, как эфир используется напрямую – только через эфиролиты и связанные с ними артефакты. А мне вот почти сразу довелось.

Высокие потолки с массивными деревянными балками, одна большая двухъярусная люстра на цепях, широкая лестница, ведущая на второй этаж. Память Элис мне подсказывает, что пятая и восьмая ступеньки скрипят, если наступить ближе к перилам. Каменный пол даже на вид кажется ледяным, поэтому когда-то, когда не было больших финансовых проблем, его застилали ковром.

Крауг, похоже, и его продал.

Внутри холла тишина, от которой звенит в ушах. И холод. Кажется, в доме никого. Но почему? Элис точно помнит, что была экономка. И кухарка… Где все?

– Эй? – зову я. – Есть кто живой?

– Вы мне не доверяете? – хмыкает Кайан, оказываясь слишком близко за моей спиной и произнося на самое ухо, чтобы слова не разлетались эхом. – Я же сказал, что тут никого. Видимо, ваш отчим не собирался им платить после того, как вас приговорят.

Он, мне кажется, вообще не собирался сохранять поместье. Но не зря же есть присказка “не говори гоп, пока не перепрыгнешь”. Только вот для меня это не решает вопроса с эконом-

кой. Я собиралась задать ей много вопросов, потому что сама Элис была слишком молода и наивна, чтобы на многое обращать внимание.

– Идемте на кухню, – говорю я, поворачивая к двери под лестницей. – Я жутко голодная.

– Только не говорите, что вы умеете готовить, – иронизирует Кайан.

– Ненавижу обманывать, – отзываюсь я.

Мои навыки действительно не выходят за рамки “что-то сварганить, чтобы не умереть с голоду”, но один из моих преподавателей говорил, что приготовить несъедобное из съедобного – это талант. И, к счастью, я им не обладаю.

Кухней оказывается просторное помещение, увешанное медными кастрюлями, с большим очагом и каменной плитой. Здесь пахнет застарелым жиром и пылью, но видно, что пользовались ей активно.

Пусто, чисто. Хотя и не так тоскливо, как в холле. И на первый взгляд запасов тоже никаких.

– М-да… – тяну я, обводя взглядом помещение. – Ужин при свечах отменяется за неимением ужина. И, возможно, свечей.

Шадхар издает смешок и по одному мановению пальцев зажигает очаг, как будто сразу же поднимая настроение.

Я подхожу к шкафу-леднику, работающему на эфиролите и дергаю ручку. Дверца не сразу, но со скрипом поддается. Но увиденное заставляет меня замереть: там, на полке, что-то нагло жуя, сидит… енот. И очень неодобрительно на меня смотрит.

– Закрой – дует, – произносит он.

Глава 4

От шока я захлопываю дверцу и только потом осознаю, ЧТО же я увидела. Точнее, кого.

Я ожидала увидеть на полках ледника что угодно: заиндевевшую пустоту, забытую головку сыра или в крайнем случае – дохлую мышь. Но енота?!

Когда первое осознание настигает меня, я снова открываю ледник и уже осмысленно рассматриваю гостя.

Прямо на средней полке, среди магического инея, по-хозяйски расположился енот. Это было не просто животное, а настоящий пушистый бандит в отставке. Густая серо-пепельная шерсть такая плотная, что он кажется меховым шаром, а черный полосатый хвост, толщиной с хорошую краковскую колбасу, уютно обвивает упитанные бока.

Енот возмущенно рассматривает меня своими умными, почти человеческими глазами. И жует. Мой кусок вяленого мяса, между прочим!

– Ты кто? – с угрозой спрашиваю я.

Ну или я хочу думать, что с угрозой. И вроде он мне что-то хочет ответить, но рядом возникает шадхар, который за шкирку вытаскивает енота из ледника, встряхивает и, кажется, собирается сделать с ним что-то нехорошее!

– Убери от меня свои лапы! – верещит зверек, болтаясь в воздухе и суча лапками. – Ты мне шкурку портишь! Я, между прочим, редкий вид!

– А вы сказали, что проверили, и на территории никого нет, – замечаю я.

– Я говорил про разумных существ, – отзывается Кайан и смотрит на енота с выражением брезгливости, с каким обычно смотрят на таракана, обнаруженного в супе. – А это говорящий паразит.

– Это кто еще паразит? – возмущается енот. – Я… этот… – он косится на ледник, в котором я его нашла. – А! Хранитель, вот! Хранитель провизии!

Ага. Как в мультике. Хранит так, что никто не найдет. В животике.

– Питается магическим фоном и ворует припасы, – не меняя выражения лица и тона, с которым зачитывают приговор, произносит Кайан. – Подлежит уничтожению как вредитель.

Мордочка енота вытягивается, а потом и вовсе на ней появляется отчаяние, когда вокруг пальцев шадхара появляются маленькие искорки. Тут уже не выдерживаю я.

Я кидаюсь вперед, повисая на руке Кайана:

– Не трогайте моего фамильяра!

– Кого? – удивленно спрашивает шадхар, но, по крайней мере, отвлекается от исполнения своего приговора.

Это хорошая новость. А плохая в том, что, похоже, у них тут нет такого понятия как “фамильяр”. Но если нет – я введу!

– Семейного помощника, – придумываю я. – Часть наследства.

– Ваше наследство, неара Торн, состоит из долгов и разрухи, – парирует Кайан, но руку опускает. – Зачем вам эта блохастая ошибка природы и лишний рот, который только что оставил нас без ужина?

– Сам ты ошибка! – огрызается енот, извиваясь. – Тут все равно есть нечего было!

– А разве то, что ты жевал, было не мясо? – очень толсто намекаю я.

Кайан снова встряхивает зверька, и тот обиженно фыркает… И исчезает из его руки. Зато дверцы шкафчика у дальней стены со скрипом открываются, являя нам енота, протягивающего корзинку с яйцами.

– Я же сказал, что я хранитель провизии!

– А кто-то буквально пару секунд назад говорил, что в доме есть нечего, – замечаю я, глядя на этого врунишку.

– Это стратегический запас! – возмущенно заявляет енот. – Видите, как пригодился?

Я прищуриваюсь, глядя на него, и енот, вздохнув, меняет “показания”:

– Ладно-ладно, ноара Марта всегда их сюда складывает. Солонка в шкафчике слева от кастрюль, а перечница… Я вчера неудачно чихнул…

Чихнул он. А мы теперь без перца. Впрочем, зато с яйцами. Перепелиными, но в достаточном количестве, чтобы наесться. Спорить сил нет, потому как после дня тряски в экипаже жутко хочется есть.

– Взятка принята, – я быстро выхватываю корзинку из лап енота. – Но это не значит, что ты прощен за мясо.

– Это была дегустация! – возмущенно пищит зверь и, снова исчезнув, появляется на верхушке дубового буфета.

– Возможно, это было единственное, чем мне пришлось бы питаться в ближайшее время, – говорю я. – Потому как уважаемый шадхар отрезал мне доступ к финансам.

Я кошусь на Кайана, который с мнимым равнодушием рассматривает меня и енота. Мнимым, потому что я знаю, что он все замечает, анализирует и делает для себя какие-то выводы.

– Завтра я отправлю вестника своим людям. Я… не доверяю вашей готовке, – он косится на то, как я, стащив с себя пальто и закатав рукава, снимаю со стены сковороду.

– Даже не претендую, – пожимаю плечами я. – Чтобы себя накормить, мне достаточно доверять самой себе. Так… На вас не рассчитывать?

Я понимаю, что ставлю его в ситуацию, когда если он согласится, то получится, что он передумал, а если откажется – останется голодным, и решаю пожалеть его гордость. Поэтому просто набираю несколько яиц и ополаскиваю их водой из-под крана.

Честно говоря, увидев все окружение, я опасаюсь, что водопровод может не работать, но тут мне везет. В глубине труб что-то урчит, фырчит, а потом выплескивает на меня ледяную воду. Что же… нагреть ее явно проще, чем наносить в дом.

Потом я заглядываю в шкаф-ледник, обнаруживая, что енот еще не все запасы успел съесть, и на самой нижней полке стоит горшочек с топленым маслом. Твердое как камень, но пахнет сливочно. Как раз то, что мне нужно!

Пользуясь тем, что Кайан раскочегарил очаг, я ставлю сковороду на решетку. Медь нагревается мгновенно, а масло на ней шипит и растекается золотистой лужицей.

Разбиваю яйца и просто болтаю вилкой прямо в сковороде. По кухне расплывается такой соблазнительный аромат, что слюнки текут и желудок сводит от желания скорее попробовать яичницу на вкус.

Шадхар сначала внимательно следит за моими действиями, будто думает уличить меня в попытке отравления, а потом набирает воду в котелок, находит на полках какие-то травы и, кажется, мед, и вешает на крюк над огнем.

– Ужин, – объявляю я, снимая сковороду с огня.

Кайан не спорит, но и не кидается к столу. Он терпеливо ждет: решу ли я его оставить голодным после всех его заявлений. Надо бы, да только меня ж тогда совесть сожрет. Это, наверное, в нашем культурном коде записано: мужик должен быть накормленным.

Ну и… от этого мужика все же как-никак мое будущее зависит. Хотя с его-то замашками!..

– Садитесь, шадхар, – ставлю я тарелку на стол прямо тут, в кухне. – Если хотите – могу первой попробовать вашу еду, чтобы доказать, что травить вас не собираюсь.

– Давайте я съем его порцию, если он не хочет! – подает голос со шкафа енот.

Кайан только переводит на него взгляд, и зверек моментально насупливается:

– Можно было и просто сказать, что на меня не рассчитывали.

Я тоже сажусь за стол поближе к очагу и пробую свой “холостяцкий” ужин. Вкусно. Относительно воздушно, мягко и очень ароматно за счет того, что продукты “живые”.

С буфета доносится тяжелый вздох.

– А я безымянных енотов не кормлю, – говорю я, отрезая себе еще один кусочек.

– Я не безымянный! – зверек тут же оказывается на табурете рядом со мной и жалобно заглядывает мне в глаза. – Я Бродяга. Так меня Марта звала.

– Бродяга, значит, – хмыкаю я и перекладываю оставшийся кусочек яичницы на третью тарелку. – А где Марта?

– Так ее этот ваш хмырь уволил, – рассказывает енот, хватая кусок яичницы прямо лапками. – Как уж она ругалась с ним!

– То есть вы не знаете этого енота? – решает уточнить Кайан.

– Как это не знаю? Знаю! Знакомьтесь, шадхар Рад'Исент, это Бродяга, семейный помощник, – говорю я и получаю очередной взгляд из серии "какие же все эти девки глупые".

Плевать. Сейчас у меня есть горячий ужин, и это уже само по себе прекрасно.

Кайан ест по-военному быстро, четко, без лишних движений, а потом наливает из котелка приготовленный напиток в две деревянные кружки.

– Если вы думаете, что я…

– Я помню, вам не хочется меня убивать, потому что лень возиться с бумажками, – ехидно замечаю я и забираю из его рук кружку.

Но должна признать, что этот пряный напиток, что-то родственное глинтвейну, но без винограда, мгновенно заставляет тепло растечься по венам, а еще немного расслабляет. Все. Теперь точно пора подумать о ночевке.

Бродяга куда-то исчезает, даже не сказав спасибо, а мы с Кайаном идем на второй этаж по той самой скрипучей лестнице.

– Моя комната в конце коридора, – говорю я.

Я собираюсь жить в покоях Элис, там, по крайней мере, ее память мне что-то подскажет.

– Вам предлагаю занять комнату напротив, она выходит на подъездную дорогу, – говорю я.

– Нет, мне это не нравится, – говорит шадхар и толкает дверь соседней с моей спальни. – А вот так мне будет лучше слышно, что происходит в вашей комнате. Особенно если вы соберетесь сбежать.

– Но она давно не использовалась…

– Не обсуждается, – отрезает Кайан и заходит к себе.

Я не без труда нахожу подсобку с бельем, выдаю комплект шадхару, непрозрачно намекая, что застилать ничего не буду, и ухожу к себе.

Больше всего после всех пертурбаций и событий мне хочется остаться одной, завернуться в кокон одеяла и тихо предаться осознанию всей ситуации. Я распахиваю дверь спальни Элис и понимаю, что здесь я сегодня ночевать точно не буду.

Глава 5

Сказать, что в комнате холодно – ничего не сказать. Зубы начинают стучать тут же.

А ведь стоило догадаться, еще когда на подходе я заметила, что из-под двери дует. Распахнуты не только ставни, которые должны сохранять тепло, но и створки самих окон. Кое-где на мебели сверкает иней, а на подоконнике – небольшие сугробы снега.

Через открытые окна слышен рокот волн, разбивающихся о скалу, на которой стоит особняк, в каминной трубе завывает ветер.

Больше чем уверена, что из-за высокой влажности, вся постель не просто мокрая, но еще и каменная. Какое уж тут спать! Тут никаким камином или кирпичами не прогреть, не просушить.

Тяжело вздохнув, плотно закрываю ставни и створки окон. Не помню, чтобы Элис особо любила проветривание в комнате. Но, когда ее забрали, она была в шоке и могла не заметить, что не закрыла окна.

Ну а мне теперь что делать-то?

– Любите посвежее? – раздается голос за спиной.

Шадхар стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он занимает собой почти весь проем и здесь, в комнате, кажется особенно большим и опасным. Для моего воображения, естественно.

– Неприятности случаются, – выдаю я, стараясь не сильно злиться на него за то, что в нем сочетаются невероятная фигура и головокружительный аромат, вытесняющий сейчас соленый запах моря. – Но, похоже, мне придется сменить комнату.

– Как интересно… Как раз после того, как я принял решение выбрать комнату через стенку от вашей? – он отталкивается от косяка и делает шаг ко мне. – Странное совпадение.

– Вы сейчас серьезно? Считаете, я настолько гениальный стратег, что смогла предугадать, что на мое дело не просто пришлют главного шадхара, но и он выкажет особое желание пожить у нас в поместье? Не переоценивайте меня.

Он зажигает свои летающие огоньки, рассеивающие тьму, которая оказалась неподвластна свече. Как я и думала: и балдахин, и покрывало на кровати висят мокрыми тряпками, а незаконченная вышивка Элис около окна вообще представляет собой грустное зрелище.

– Что ж, неара Торн, нам придется ночевать в одной комнате, – выносит свой вердикт Кайан.

Что? Надеюсь, это такая проверка, а не попытка с ноги доказать наивной девушке, что мир не состоит из розовых пони.

– Чтобы вы потом всем рассказали, как я активно соблазняла вас и пыталась повлиять на следствие? – отзываюсь я на его провокацию.

Мне очень хочется просто из вредности переселиться в комнату на противоположной стороне коридора, но я решаю не злить Кайана лишний раз. Выход есть, и меня он вполне устраивает, но вот отголоски чувств и воспоминаний Элис все же заставляют сердце екнуть.

На юго-западной стороне дома расположена комната матери Элис, в которой она и умерла. Конечно, с этим местом связаны не лучшие мгновения жизни девушки, но сейчас это самый подходящий вариант. А я как-нибудь потерплю.

– Как вы правильно заметили в суде, особняк Торн – это не одна спальня и кухня, – говорю я Кайану. – И если вы уж так хотите жить со мной через стенку, я займу комнату с другой стороны от вашей. Там еще и камины смежные, можно будет быстрее протопить спальни.

Шадхар окидывает меня взглядом, оценивая, насколько я стушевалась. Да был бы повод!

– Арканы не мерзнут, – говорит он.

– Ну и не мерзните дальше, – я беру из комнаты бытовые мелочи Элис вроде личной щетки для волос и книги с прикроватного столика и прохожу мимо Кайана в коридор. – А вот я схожу за бутылью с горячей водой вниз и растоплю камин. Раз уж мне внутреннего огненного монстра не досталось.

Шаги шадхара, сначала следовавшие за мной, смолкают.

– Будьте аккуратны в своей дерзости, неара, арканы не любят строптивых, – произносит Кайан.

– А вам и не надо меня любить. Просто докажите мою невиновность, – отвечаю я.

Когда я возвращаюсь с бутылью на второй этаж, в самой западной спальне уже горит камин, но самого шадхара нет, а дверь в его комнату закрыта.

Ну и славно. Мое желание уже наконец-то отдохнуть никуда не делось, а вот на перепалки сил не хватает. Поэтому все, на что я оказываюсь способна, – это кое-как заправить кровать, поместив в ногах бутыль, и забраться в постель, даже не раздеваясь и укутывшись в два слоя одеял, чтобы было теплее.

Я боялась, что мне сразу же в голову будут лезть мысли с классическими вопросами: “Кто виноват?” и “Что делать?” Еще больше я боюсь проснуться среди ночи с потухшим камином и свечой. В темноте. Но сознание выключается, стоит мне коснуться головой подушки.

Шадхар Рад’Исент

Девчонка не заперлась, и тут два варианта: либо она куда-то собирается пойти ночью, либо слишком легкомысленна и беспечна. Наблюдая за ней, я никак не могу избавиться от того, что все время оказываюсь перед подобным выбором.

Арканы, отправившие меня в эту богами забытую провинцию, снова пытаются поставить меня на место, продемонстрировать, что бывает, когда не слушаешь их приказов. Но, кажется, в этот раз они просчитались, и дело действительно интереснее, чем может показаться на первый взгляд.

Я вешаю мундир на спинку кресла, стаскиваю сапоги, задвигая их под кровать, и вытягиваюсь на ней, закидывая руки за голову. Я не врал – мне действительно не холодно, хотя я уверен, что, даже несмотря на растопленный камин, Элис мерзнет под несколькими одеялами.

Мысли о наскоро состряпанном деле, странном поведении девчонки и ее навязчивом, но таком гипнотическом аромате не дают покоя.

Вроде бы все очевидно: нежное, избалованное создание, не приспособленное к жизни в нашем жестоком мире, ее использовали и подставили. Все официальные документы говорят о том, что виновата именно она. Но стоит взглянуть чуть пристальнее…

Достаточно посмотреть в ее дерзкие глаза цвета карамели, и сразу возникают сомнения. Она держится так, словно каждым своим действием бросает вызов. И, надо сказать, добивается своего: я заинтересовался.

Девчонка говорит, что невиновна, но ведет себя слишком уверенно. Вовсе не как юная невинная неара, которая в испуге пытается оправдаться.

Что стоит за этими словами? Тайный план? Попытка манипулировать?

Кто эта Торн? Инструмент, которым воспользовался ее отчим? Или искусный манипулятор, который как марионетками играл всеми вокруг?

Я разгадаю. И ей стоит продумывать лучше каждый свой шаг, если она надеется, что я поведусь на симпатичную мордашку и этот взгляд.

С такими мыслями я и погружаюсь в сон. Пока среди ночи я не просыпаюсь от того, что кто-то обхватил мою ногу.

Элис Торн

Я надеялась, что мне удастся проспать до утра, но, как выяснилось, перегородки между комнатами здесь действительно тонкие, особенно с учетом смежного камина.

И просыпаюсь я от приглушенной ругани шадхара и откровенного возмущения Бродяги. Между этим всем проскальзывает фраза: “Я из тебя шапку сделаю!” – и я понимаю, что пора мне вмешаться, а то действительно лишат меня фамильяра.

Я вскакиваю с кровати, чуть не падая через два одеяла, в которые была завернута как в кокон. Успеваю с облегчением заметить, что и камин, и свеча еще горят, и выбегаю в коридор. Очередной возглас енота заставляет меня решиться, и я распахиваю дверь.

Картина, предстающая передо мной, на самом деле впечатляет. В воздухе висят световые огоньки. Шадхар, в тонкой расстегнутой рубашке, с горящими золотом глазами, в которых угадываются вертикальные, вовсе не человеческие зрачки, почему-то не пугает. Восхищает, завораживает, но точно не вызывает страха.

Наверное, потому что пока что его глаза смотрят не на меня, а на енота, который висит в полутора метрах над полом и с такой же возмущенной мордочкой смотрит на Кайана.

– Что у вас тут происходит? – спрашиваю я, нарушая дуэль взглядов.

– Кое-кто решил, что я был с ним слишком мягок, – отвечает шадхар, и его золотые глаза теперь смотрят прямо на меня.

Нет. Даже так не страшно. И еще немного обидно, что сияние немного меркнет.

– Это моя комната! – возмущается енот. – И моя кровать! Он занял мое место!

Тут, честно говоря, даже у меня немного пропадает дар речи. Каким же надо быть отчаянным собственником, чтобы спорить с арканом?!

– Этот будущий воротник решил, что спать в обнимку с моей ногой – это гениальная идея, – медленно, с явной угрозой в голосе произносит Кайан и поднимает руку с крохотными светящимися искорками вокруг пальцев.

Спать в обнимку с ногой? Я невольно опускаю взгляд на длинные, крепкие ноги шадхара, обтянутые штанами. В его внешности есть вообще хоть какие-то изъяны? Или только в характере и жутком самомнении?

– Бродяга, – вклиниваюсь я в их спор. – В доме еще есть несколько комнат с весьма подходящими кроватями. И из всех ты выбрал именно эту?

Енот совсем по-человечески скрещивает на груди руки, как будто то, что он болтается в воздухе, подвешенный за шкирку, его не беспокоит.

– Я тут спал! И я отсюда не уйду! – уверенно заявляет он, а потом немного скисает, словно принимая, что кое в чем переборщил. – А нога… Ну кто виноват, что он теплый! В доме-то сейчас холодно.

– А в шкафе-леднике не холодно было? – спрашиваю его я.

А сама смотрю на то, что Кайан спокойно стоит на ледяном полу голыми ступнями и не морщится. Мне от этого самой холодно становится, и я обхватываю себя руками. Не могу винить Бродягу за то, что он проявил слабость и рискнул об аркана погреться.

– Шадхар Рад’Исент, – обращаюсь я к Кайану. – Могу ли я вам предложить переселиться в другую комнату? Для вашего спокойствия я даже готова тоже сменить спальное место.

У Кайана на лице появляется опасная улыбка, обнажающая заостренные клыки, а еще… почти мальчишеское упрямство в глазах, которое он быстро прячет за грозным взглядом главного шадхара.

– Чтобы я менял комнату из-за енота?

Но, надо сказать, руку он опускает. Ту, которая с плетением, а не с енотом. Кайан направляется к двери, оттесняет меня и разжимает пальцы. Бродяга шлепается на пол, а шадхар делает быстрое, едва уловимое движение, и когда енот срывается с места, чтобы вернуться в комнату, он врезается в прозрачную преграду.

– Это нечестно!

– Я не обещал честности, – усмехается Кайан. – Идите в свою комнату, неара Торн. И лучше заберите эту меховую часть своего наследства с собой, если она так уж вам дорога.

Он пристально следит за тем, как я возвращаюсь в свою спальню, а Бродяга семенит за мной. Сверлящий меня взгляд я чувствую вплоть до того момента, пока за мной не закрывается дверь.

У шадхара явно проблемы с гиперконтролем. Или паранойя.

– Я не сдамся, – бурчит енот, внезапно появляясь в изножье моей кровати.

– А я не буду каждый раз спасать твою шкуру, – предупреждаю я, забираясь обратно под одеяла. – Так что тебе стоит хорошенько взвесить свои желания.

Все же в комнате стало чуть теплее от камина, в котором уже почти прогорели заложенные поленья, и я подбросила новые. Горячий воздух от него протягивается через воздуховоды, встроенные в стену, дополнительно согревая комнату, поэтому я хотя бы зубами уже не стучу. И то радует.

Енот устраивается у меня в ногах, выступая в роли живой грелки. И в этот раз сон наступает уже более мягко, утягивая, обнимая и успокаивая.

Итак, по результатам сегодняшнего дня: я в чужом теле, которое я даже рассмотреть еще не успела, так, только по воспоминаниям хозяйки этого тела имею представление. Что со мной случилось – не помню, что с душой Элис – не знаю.

У меня куча проблем, и, благодаря Кайану, есть небольшая отсрочка и наглый, вредный надзиратель. А еще чужой мир с магией – вот это совсем плохо укладывается в голове, – измученный жизнью особняк и надежда на то, что хотя бы какие-то навыки из моей прошлой жизни мне пригодятся и помогут. Вот, яичницу я же смогла приготовить!

А завтра… Завтра я возьмусь за дело. Если, конечно, шадхар мешать не будет.

Глава 6

– Я запрещаю вам ходить в оранжерею, – твердо, но уже с изрядной долей раздражения рычит Кайан.

– Опять вы за свое, шадхар! – я возмущенно всплескиваю руками. – А жить вы мне как предлагаете? Просто вышивать, пока все рушится?

Кайан сидит за столом в своем идеально выглаженном мундире, гладко выбритый и выспавшийся. Успел не только привести себя в порядок, но и отдохнуть.

Не то что я, которая утром сползла с кровати, как будто по мне стадо слонов прошло. К тому же платья Элис в ее комнате оказались такими же влажными, как постель. Мне пришлось взять простое платье ее матери, в котором она, по всей видимости, работала в лаборатории, потому что в паре мест прожженные дыры, как от концентрированной кислоты.

Переживу. Зато не страшно испачкать.

– Я предлагаю вам просто жить, а не быть погребенной под грудой стекла, – произносит шадхар, гневно сверкая на меня ледяными глазами. – И я уже говорил, неара Торн, что я не терплю, когда оспаривают мои приказы.

– Вы не можете запретить мне передвигаться по моему собственному дому, – возражаю я, сжимая в руке вилку.

Завтрак у нас не особо сильно отличается от ужина, разве что вместо недоглинтвейна у нас травяной чай, свежий, но немного терпкий аромат которого растекается по кухне и приятно щекочет ноздри.

– Оранжерея – это не дом, – отрезает он, глядя на меня своим фирменным взглядом “я умный, а вы все – нет”. – И я не собираюсь выкапывать ваше тело из-под осколков. Или… Или там есть что-то, что должно меня заинтересовать?

Он даже откладывает свою вилку, хотя не доел мое утреннее творение.

– Там есть то, что интересует меня! – отвечаю я, чуть повысив голос. – Редкие растения и семена, которые можно превратить в уникальные ингредиенты. Если я не позабочусь о них сейчас, потом вместо них будет гниль и труха.

– Я уже говорил, что меня не интересуют ваши гербарии, – замечает шадхар. – К тому же там и так все прогнило, а вы мне нужны живой. Я не позволю подозреваемой или как минимум важному свидетелю погибнуть из-за глупости.

– Шадхар, – я стараюсь говорить спокойно, хотя голос предательски дрожит. – Вы, кажется, забыли одну маленькую деталь. Вы ограничили меня в средствах. У меня нет денег даже на булавки!

– Я обеспечу вас едой, – невозмутимо отвечает он, заканчивая с яичницей и беря в руки чашку с чаем. – И всем необходимым.

Мои брови, кажется, вот-вот уползут к волосам.

– Обеспечите? В смысле сделаете своей нахлебницей, пока вы расследуете контрабанду? А потом? Или мне стоит подождать, пока поместье уйдет с молотка, а меня отправят отрабатывать на рудники? Ну конечно! Тогда-то мне точно не придется думать о том, чем прокормить себя, – усмехаюсь я. – Вы думали, что со мной будет, когда вы отсюда уедете?

В глазах Кайана мелькает какая-то странная эмоция, как будто эта мысль в его голове появилась впервые, и такого развития событий он не рассматривал. Ну естественно! С какой стати ему думать о моей судьбе? Быстрее преступление раскрыть и вернуться в столицу.

– О, я знаю! – вмешивается Бродяга, появляясь рядом за столом. – Зачем ей деньги, если есть такой красивый мужчина в доме? Элис, шадхар всего лишь хочет, чтобы ты была полностью от него зависима.

Взгляд, брошенный на енота, заставляет мурашки пробежать даже по моей спине. Но зверь со слишком наглой мордой уминает свою часть завтрака и даже не теряет аппетит.

Мы одновременно с шадхаром шикаем на Бродягу, а потом возвращаемся к спору: ни один из нас не готов уступить.

– Я не собираюсь сидеть и ждать подачек от того, кто мечтает упечь меня за решетку, – говорю я.

– А я не буду терпеть неповиновения, – отвечает Кайан.

– Ну вообще-то, в чем-то этот, – вклинивается опять Бродяга и кивает на шадхара, – прав. Вот не будет тебя, кто мне яичницу готовить станет? Он, скорее, меня зажарит.

– Ты на чьей стороне вообще? – я поворачиваюсь к еноту, указывая на него вилкой. – А вы… Могли бы и помощь предложить, а не запрещать все подряд. Вы прекрасно вчера закрыли нас магическим щитом. Наверняка такой же можно поставить…

– Я главный шадхар, а не подпорка для развалюх. Разговор окончен, – подводит черту Кайан.

Он встает, убирая за собой тарелку таким привычным движением, как будто именно так и привык делать. Сам. Без помощи прислуги или помощников. Мыть не моет, но замачивает в специальном тазике – тоже хорошо.

И зря он считает, что разговор окончен. Если я не могу зайти через дверь, я найду окно. Понятия не имею, где его буду искать и как, но в оранжерею я попаду и работать там буду.

Хотя в одном шадхар действительно прав: там нужен серьезный ремонт. И не абы какой, а качественный, потому как любые нарушения в конструкции при перемене погоды нарушат ее надежность.

Я уже собираюсь последовать примеру Кайана и отнести грязную тарелку, как до нас доносится скрип входной двери и тихие шаги в холле.

– Сидите здесь, – командует шадхар, черты которого мгновенно заостряются, а в светло-голубых глазах появляется непривычная золотинка. – Я проверю.

Сидеть? Я хмыкаю, скептически глядя на то, как скрывается спина Кайана за дверью. Ага, обязательно. Лезть на рожон, конечно, не буду, но я должна знать, что происходит в этом доме, и не с чьих-то слов, а лично.

Я выдерживаю паузу ровно в три секунды и встаю со стула, следуя за шадхаром. Енот, который вроде как делал вид, что ему неинтересно, тут же оказывается у моих ног.

– Неужели ты думаешь, что я тебя отпущу одну? Фальминяры… Фамильряны… Фалин… Тьфу! – Бродяга раздраженно фыркает. – В общем, вдруг там наемные убийцы? Я тебя защитю!

Я отворачиваюсь, чтобы скрыть улыбку, и выскальзываю из кухни. Мы крадемся к холлу по темному коридору, стараясь не издавать лишних звуков, и приоткрываем дверь под лестницей ровно в тот момент, когда Кайан, скрестив руки на груди, преграждает путь двум фигурам, застывшим на пороге.

Я практически кожей ощущаю напряжение и опасность, царящие в холле.

Одна из фигур – женщина. Худощавая, с ровной спиной, как будто у нее не позвоночник, а прямая палка. Она одета недорого, в строгое платье и серое пальто, но идеально. Ее лицо кажется высеченным из камня, губы поджаты в тонкую линию.

За ее спиной, переминаясь с ноги на ногу, топчется долговязый парень в коротенькой куртке. Он едва ли старше Элис, но на лице очень серьезное выражение, словно он пришел сражаться.

Память Элис щелкает, выдавая досье: Марта, та самая экономка, которая держала весь дом в ежовых рукавицах, но всегда оставляла для Элис лишний кусок пирога. И Бенджи. Сын кузнеца, прибившийся к конюшне. Тот самый, что вечно таскал Элис полевые цветы и убегал, не сказав ни слова. Лошадей уже давно не осталось, а Бенджи остался.

– Я повторяю вопрос, – ледяной голос Кайана разносится по холлу. – Кто вы?

Он стоит так, что понятно: он только кажется безоружным, но стоит только незваным посетителям сделать что-то не то, атака будет моментальной.

– Марта! – я прихожу на помощь экономке. – Бенджи! Как я рада вас видеть! Знали бы вы, как я расстроилась, не найдя вас вчера!

Строго говоря, найти я должна была только Марту – она живет в доме, а Бенджи в поместье не живет, но память Элис подсказывала, что он частенько оставался, сделав себе небольшую комнатку в сеннике.

– Вы знаете их, неара Торн? – спрашивает Кайан, а сам занимает такую позицию, будто собирается защищать меня.

Но взгляд такой, что хоть в ледник не залезай, и так на месте замерзнешь: мы с енотом его не послушали. Интересно, накажет или спустит с рук?

– Конечно, знаю, – отвечаю я, улыбаясь. – Это наша экономка и конюх.

– Бывшая экономка и бывший конюх, особенно учитывая то, что лошади у вас нет, – поправляет меня Кайан, а потом снова поворачивается к Марте и Бенджи: – Вас же уволил ноар Крауг.

Экономка пристально смотрит на меня, словно проверяет, все ли со мной в порядке. Она едва заметно улыбается, в уголках ее глаз собираются морщинки, а взгляд теплеет настолько, что мне хочется плакать.

– Ноар Крауг может распускать павлиний хвост перед своими собутыльниками, – невозмутимо отвечает Марта Кайану. – А я служила роду Торн двадцать лет. И не собираюсь бросать девочку одну в таком положении. Тем более с мужчиной, пусть и при должности.

Честно говоря, я сейчас искренне восхищаюсь экономкой, потому что она произносит это с таким достоинством и такой уверенностью, что становится понятно: уж у нее-то с внутренним стержнем все в порядке.

– Вы делаете очень нехорошие намеки, неара Марта, – с угрозой в голосе говорит шадхар.

– Ноара, – поправляет его экономка. – Я вдова.

Да-да… Это я тоже помню. Трагическая случайность унесла жизни ее мужа и сына и лишила Марту возможности иметь детей. Поэтому она всегда считала Элис кем-то большим, чем просто хозяйской дочкой.

– Мы пришли работать, – подает голос паренек. – И мы не уйдем, пока сама Элис… неара Торн нас не выгонит!

А сам глядит на меня чуть ли не с мольбой – боится, что я действительно прогоню.

– У меня нет денег, чтобы платить вам на время расследования, – честно говорю я и развожу руками. – Да и поместье с такими долгами, что я не уверена, что будут потом.

– Нам не нужны деньги! – горячо восклицает Бенджи, делая шаг вперед, но натыкается на тяжелый взгляд Кайана и воинственно вскидывает подбородок.

Шадхар, наоборот, чуть опускает голову, воздух вокруг словно становится плотнее.

– Деньги всем нужны, – говорит Марта, бросая неодобрительный взгляд на конюха. – Но что касается нас, то мы готовы работать за кров и скромную еду, потому что искренне хотим помочь вам.

– Трогательно, – перебивает Кайан. – Самоотверженно. Я бы даже сказал, слишком самоотверженно, чтобы я просто так поверил вам.

– Вы не верите в простую человеческую верность? – спрашиваю я шадхара.

– Я видел слишком много как верности, так и предательства, когда ближайший друг с радостью вонзает меч в спину, – отвечает шадхар.

Бенджи сжимает кулаки и хмуро смотрит на Кайана.

– Я… я жизнь отдам за Элис! – твердо произносит он.

– И таких заявлений я слышал немало, – парирует шадхар. – Но я разрешаю вам остаться. Но предупреждаю: одно лишнее движение, одно подозрение, что вы что-то скрываете или мешаете следствию, и вы будете жалеть, что вернулись.

Марта кивает, Бенджи явно готов хоть сейчас доказывать, насколько Кайан неправ, особенно кулаками, но, кинув короткий взгляд на экономку, тоже соглашается. А шадхар поднимает палец, привлекая внимание и давая понять, что еще не договорил.

– Но у меня будет одно условие…

Глава 7

Ну естественно, разве он мог легко согласиться, не продемонстрировав, кто здесь устанавливает правила? Я вздыхаю, показывая, что думаю об этом его “условии”.

– Если вы выбираете остаться тут, то так же, как неара Торн, становитесь пленниками этого поместья. Выйти в город без моего разрешения, встретиться с кем-то посторонним вы не сможете, – заканчивает шадхар.

Если для Марты это условия не является чем-то особенным – она и так здесь прожила большую часть жизни, то Бенджи… У него родители в Гримспорте – городке на побережье в пятнадцати минутах езды от поместья, – каково будет ему стать узником тут?

– Вы правда думаете, что нас это напугает? – первым отвечает Бенджи. – Если бы меня отсюда не выгоняли, то я бы отсюда не ушел и не оставил бы Элис без защиты, особенно от таких, как вы…

Взгляд шадхара темнеет, Кайан опускает подбородок и смотрит исподлобья.

– Ты ходишь по острому лезвию. Бенджи.

Последнее слово Кайан произносит так, что, кажется, оно могло бы убить, если бы было заклинанием.

– Мальчик хотел сказать, что мы согласны, шадхар Рад’Исент, – спокойно говорит Марта. – Не стоит нам угрожать: мы не те, кто желает плохого Элис. Мы готовы сделать все, чтобы ее можно было быстрее оправдать.

И тут из-за моей юбки выкатывается Бродяга.

– Марта! – енот встает на задние лапы и раскидывает передние, требуя объятий. – Именно! Золотые слова! И про меня скажи этому солдафону, что я – ценный кадр, а не воротник!

Я напрягаюсь. Она знала о том, что Бродяга живет тут? Но почему тогда Элис была не в курсе? Она ни разу не видела енота в доме, более того, она считала, что Марта не любит животных.

Но при виде Бродяги лицо экономки вдруг светлеет, морщинки разглаживаются.

– Ах ты, мохнатое недоразумение! – в ее голосе звучит та же скрытая нежность, что и ко мне. – Живой. Я боялась, Крауг тебя на шапку пустит, если увидит.

Она присаживается перед енотом и чешет его за ухом.

– Вы знали?

Я смотрю на нее во все глаза, пытаясь понять, сколько же еще секретов в этом доме было от Элис, и насколько девочка все-таки была не подготовлена ко взрослой жизни.

– Конечно, знала. Этот бандит скрашивал мне вечера на кухне, пока вы спали. Кто, по-вашему, научил его вытирать лапы перед входом?

А он вытирает лапы? Остается только поверить. Кайан прерывает наше милое общение:

– Ну, раз все настолько самоотверженны и преданы неаре Торн, считаю вопрос решенным, – заключает он. – Меховое наследие семьи держится от меня подальше, вдохновенный юноша проверит все камины и окна, а вы, ноара Марта, надеюсь, в отличие от вашей госпожи, умеете готовить не только яичницу.

Он бросает на меня красноречивый взгляд, а мне хочется его ударить.

– Знала бы, насколько необъятны границы вашей благодарности, шадхар, сделала бы только на себя, – отвечаю я, потом вижу глаза енота с мольбой и обидой и поправляюсь: – На себя и на Бродягу.

Марта резко поднимается и удивленно спрашивает:

– Элис? Вы… готовили?

Упс! Похоже, девушка этого никогда не делала, а я даже не подумала об этом. Ну… уже как получилось.

– Когда хочется есть, наверное, и не такие таланты открываются, – невинно хлопаю глазами. – Но, как видите, уважаемому шадхару моя стряпня не пришлась по вкусу…

– Уважаемый шадхар, – вклинивается Кайан с легким раздражением, – ел и не такую гадость. Не штабная крыса. А теперь я собираюсь заняться тем, для чего я тут: начну разбираться с бумагами. Вы, неара Торн, займитесь достойным молодой девушки делом и забудьте про оранжерею.

Он разворачивается и уходит в кабинет отца Элис. Марта провожает его цепким взглядом, мгновенно переключаясь в режим “генерал в юбке”.

– Я бы сказала, Элис, что вам повезло, что именно Рад’Исент занимается вашим делом: такой точно докопается до истины. Но, боги! Этот отвратительный характер!

– Характер шадхара я вытерплю, – отвечаю я, скрещивая незаметно пальцы. – Но Крауг оставил очень большие долги, из которых быстро не выпутаться. Особенно учитывая состояние оранжереи… Когда матушка последний раз занималась лекарствами?

Марта качает головой и кладет мне на плечо руку.

– Я понимаю, что вам трудно даже думать о том, чтобы потерять поместье, но… Милая, вы же все равно ничего не смыслите ни в лекарствах, ни в растениях, – говорит она. – Может… Может, потратить отпущенное время на поиск достойного жениха?

Эти слова могут показаться жестокими, ранящими, обижающими, но на самом деле они идут из желания позаботиться. Марта прекрасно понимает, что ни отец, ни мать не научили Элис чему-то, что могло бы пригодиться ей в жизни.

Да, у нее было теоретическое общее образование, да, она умела вышивать. Элис не была глупа или неспособна ничего делать. Она была оранжерейным цветком, растущим в заботе и уходе.

А потом ее оранжерея была разрушена, а внешняя среда агрессивна. Поэтому, если продолжать говорить метафорами, Марта просто предлагает передать меня в руки другого садовника, который сможет создать для меня нужные условия.

Только вот я не хрупкий цветочек и не собираюсь опускать листочки, сдаваясь на растерзание всем ветрам. И не собираюсь быть розой под колпаком.

– Марта, – я накрываю ее ладонь своей. – Мы выстоим, верь мне. Просто нужно придумать, как восстановить оранжерею и как сохранить растения, которые еще подают признаки жизни.

И тут у меня щелкает в голове. Ага… Значит, в оранжерею мне нельзя. Точнее, нельзя именно мне. Да и… Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе. Так ведь?

– Бенджи, – я расплываюсь в улыбке. – Мне очень нужна твоя помощь.

Тот аж сиять начинает – я знала, что он мне не откажет. А вот Марта более настороженно относится к моему рвению.

– Будьте осторожны, Элис, – говорит она. – Особенно с шадхаром.

– Ой! Да она с этим шадхаром вообще ух как! – вклинивается Бродяга, сжимая свою лапку в кулак. – Бьется как тигр! До последнего!

Марта тяжело вздыхает, а мы с Бенджи идем следом за Кайаном в кабинет отца: из него существует прямой выход к оранжерее. И есть у меня прекрасная идея!

В кабинете пахнет старой бумагой, сухими чернилами и лекарствами. Последний запах кажется привычным, даже родным – не даром же мои последние двадцать лет связаны с аптекой.

Но и для Элис этот аромат кажется чем-то родным, поднимает в ее воспоминаниях ощущение уюта, домашнего тепла и уверенности в завтрашнем дне. Именно с ними ассоциировался отец.

В камине мерцает пламя, разгоняя прохладу кабинета, давно покинутого хозяевами и оттого наполненного атмосферой тоски и запустения. Здесь едва ли не холоднее, чем в холле, поэтому я посильнее закутываюсь в шерстяную колючую шаль.

Шадхар по-хозяйски расположился в кресле за основательным дубовым столом, накрытым стеклом. Видимо, отец Элис частенько продолжал свои эксперименты даже тут и не хотел, чтобы испортилась поверхность стола.

Сквозь два небольших окна в комнату проникает дневной свет, но его не хватает – пасмурно, туманно. Практически нормальное состояние местной погоды в это время года. Поэтому Кайан зажигает единственную в нашем доме лампу на эфиролите.

Видимо, пока мы болтали с Мартой – а может, и вообще утром, до моего пробуждения, – шадхар успел покопаться в документах нашей семьи, и теперь перед ним стоят три стопки: одна большая и две поменьше.

– Увлекательно? – спрашиваю я, заходя в кабинет.

– Удивительно, – отвечает он, – снова видеть, что вы не подчиняетесь приказам.

Развожу руками. Не поверю, что он рассчитывал на то, что я быстро сдамся. Судя по взгляду, точно не рассчитывал и теперь только ждет, что же я придумала. Особенно когда замечает за моей спиной Бенджи.

– Вы же сказали заняться делом, достойным молодой девушки. Я нашла себе такое, – отвечаю я. – И нет, в оранжерею я не пойду. Если говорить в прямом смысле.

Я прохожу мимо шкафов, заставленных старыми книгами, полок с разными пузырьками и арки, ведущей в лабораторию, к дальней двери. Темная, закрытая на засов и обитая с этой стороны утепляющим материалом. Именно благодаря ему здесь не выхолодилось все настолько, чтобы покрыться инеем.

Бенджи после моего кивка сдвигает тяжелый засов и с громыханием открывает дверь. В кабинет влетает поток холодного воздуха с запахом моря и крошечными колючими льдинками.

Да… В свете дня я, пожалуй, готова согласиться с шадхаром: оранжерея в отвратительном состоянии. Но не так, чтобы туда вообще зайти никак. Главное, не задевать особо неустойчивые подпорки и не трогать хлипкие стеллажи. В общем, если аккуратно, то безопасно.

– Что вы делаете?! – раздраженно рявкает Кайан, когда поток ветра распахивает одну из папок, перебирает листы и парочку из них даже сдувает со стола.

– Спасаю растения, шадхар, – отвечаю я. – Оставшимися мне способами.

Лицо шадхара мрачнеет.

– Идем, Бенджи, меня интересует…

– Стоять! – рык Кайана прокатывается по кабинету и, кажется, даже звенит в стеклах оранжереи. – Один только шаг за порог кабинета, и я буду вынужден наказать вас. Если, конечно, не придется собирать вас по частям.

Шадхар поднимается со своего места и с угрозой смотрит на меня, словно пытаясь предугадать мое следующее действие. Как хищник, вот-вот готовый ринуться за своей добычей. Рвануть с места, догнать, поймать…

– Там не все так плохо, шадхар, – спокойно возражаю я, видя, как он реагирует на каждое мое движение. – Оранжерея заброшена, да, но не разваливается от малейшего дуновения. А вот растения умирают от холода. В оранжерее опасно. Именно поэтому надо вынести цветы *из*нее. Разве вам не жалко растения?

По глазам вижу – не жалко.

– Ваша дерзость когда-нибудь станет причиной вашего падения, – тихо произносит он, и от того, как звучит из его уст мое имя, по спине пробегает стадо мурашек.

– Пока что я только спотыкаюсь лишь о ваши запреты, – парирую я.

Усмешка касается губ Кайана, но он и тут решает проявить свою командирскую натуру:

– Бенджи, разрешаю тебе помочь неаре Торн, – говорит он. – Занесешь растения и поставишь их туда, куда скажет неара. Но если хоть одна нога ее будет в оранжерее, ты лично отправишься в подземелье под конвоем. Понял?

Бенджи серьезно кивает, как будто ему дали задание не меньше, чем государственной важности. Что ж… Если шадхару так хочется думать, что он раздает указания – пусть думает.

Мне кажется, или с его пальцев срывается голубая искорка и проносится мимо меня в оранжерею?

Присматриваюсь к шадхару, но Кайан делает вид, что ему наскучило общение со мной – естественно, проконтролировал, что все идет по его указке, и углубляется в документы. А Бенджи начинает носить кадки с цветами.

От мелких до действительно огромных. К сожалению, мне приходится смириться с тем, что из всего богатства сохранилась хорошо если треть. А из этой трети хорошо если половина мне знакома и не собирается кусать меня сразу после того, как отогреется.

Я окидываю взглядом кабинет и выбираю для цветов места. Бенджи, вспотевший от тяжести и старания, послушно расставляет горшки.

В кабинете начинает пахнуть сырой землей и хвоей, а еще чем-то, напоминающим запах герани. Но ее я среди цветов точно не замечаю.

– Неара? – Кайан отрывает взгляд от документов и, кажется, удивляется, обнаружив рядом с собой цветник. – Вы решили превратить мой кабинет в склад умирающих растений?

– Это выжившие растения, – отвечаю я, с удовольствием замечая его раздражение. – Лекарственные растения, между прочим, которые еще можно спасти. И которые могут спасти кого-то другого.

– Найдите им другое место, – говорит шадхар. – Я тут работаю.

– И я тут буду работать, – указываю я на лабораторию, темнеющую за аркой. – И растения мне для этого нужны. Ведь в оранжерею же мне нельзя…

Кулак шадхара сжимается, едва не смяв один из документов.

А разве я обещала, что со мной будет легко?

Бенджи как раз заносит последнюю кадку и запирает дверь. Все, теперь надо будет думать, как и на какие шиши извернуться и восстановить оранжерею. Все же кабинет – это чуть лучше, чем ничего, для растений, любящих солнце и определенные условия полива и влажности воздуха.

– И как же вы будете работать, неара Торн? Судя по отчетам и документам, – Кайан заглядывает в какие-то листы перед ним, – у вас нет образования. Вы же ромашку не отличите от пупавки и перетравите половину населения.

– Сухие бумаги и чужие слова – не всегда надежный источник, шадхар, – отвечаю я. – Вам ли не знать.

– Я привык верить только делам, – произносит он.

– Тогда будьте готовы удивляться, – обещаю я.

Мы с Бенджи выходим: он – заниматься дровами и каминами, а я в спальню матери, где провела ночь. Она, в отличие от отца, любила работать у себя. Начну с последних ее записей: они подскажут, что осталось после ее смерти. А дальше… Дальше придется импровизировать.

Глава 8

Вчера, после тяжелой дороги и сюрприза с комнатой Элис, я не стала особенно сильно рассматривать спальню ее матери: побыстрее легла спать. При свете свечей и камина тени скрадывали то, что сейчас бросалось в глаза: застарелые подтеки на обоях, трещины на потолке и покоробленные местами доски паркета.

Комната небольшая, со старой тяжелой мебелью из темного дерева. Простор создают огромные окна почти в пол, как и в спальне Элис. Ставни я утром открыла, чтобы хоть чуть почувствовать наступление дня, поэтому сейчас серый хмурый свет наполняет комнату, как будто накидывая покрывало угрюмости на всю обстановку.

Я подхожу к одному из окон. Вид отсюда открывается такой, что захватывает дух, но в то же время заставляет поежиться. Поместье стоит на самом краю утеса, и сейчас внизу свинцовые волны Стального моря с грохотом разбиваются об острые скалы.

Пена взлетает на несколько метров вверх, ветер гонит клочья тумана. Безумно красиво дикой, первобытной красотой, но настолько же смертоносно.

В комнате ощутимо выстыло за ночь и утро. Если не заняться этим сейчас, то потом придется согревать все заново. Хотя совсем холодно уже не будет: мне кажется, что с того момента, как Марта зашла на кухню, дом как будто начал оживать – все же она долгие годы была его душой и бьющимся сердцем.

Но и мерзнуть сейчас не хочется. Подхожу к камину и ворошу кочергой угли. Они подернулись пеплом и едва тлеют: если оставить так, то совсем остынут. Подкидываю пару поленьев из корзины.

Дерево сухое. Даже если и было влажное вчера, то за ночь рядом с камином подсохло, поэтому от жара углей поленья быстро начинают тлеть, и вскоре на них пляшут язычки пламени.

Звук камина немного пугает, но в целом он работает нормально. Можно будет сказать Бенджи, чтобы сначала проверил остальные, а этот оставил последним. Хотя нет, последним можно оставить тот, что в комнате шадхара – ему же не холодно!

Когда пламя разгорается ровнее, я начинаю осмотр.

Изящный, дамский секретер у окна весь завален свитками и перьями с засохшими чернилами. Они хаотично валяются: видно, что кто-то копался в бумагах, не заботясь о том, что оставит за собой беспорядок.

Впрочем, далеко не надо ходить, чтобы понять, кто это был. Что отчим искал? Расписки? Накладные? Вряд ли тогда я это найду. Но я и не за этим шла. Мне нужен лабораторный журнал матери Элис, чтобы понять, с чем она работала.

Я выдвигаю ящики один за одним, и везде меня ждет неудача. В основном – хлам. Старые письма с соболезнованиями, какие-то газетные статьи, рисунки Элис. Но я точно знаю, что тетради должны быть здесь. Я хочу, чтобы они нашлись.

Осматриваю секретер со всех сторон. Справа, слева, даже под него залезаю – никакого намека на скрытые ящики. Ну так же не должно быть?!

Может, она хранила их где-то в другом месте? Я подхожу к туалетному столику с большим запыленным зеркалом. Отчим, помнится, запретил Марте убираться в этой комнате, а Элис не горела желанием сюда ходить – тяжело переживала смерть мамы.

Ну, а Крауг этим, как мы видим, и воспользовался. Открываю шкатулку, которая когда-то была просто сокровищницей для Элис, а теперь в ней ровным счетом ничего ценного. Бархатные гнезда для колец и колье зияют пустотой, лишь одинокая медная брошь с отломанной застежкой валяется на дне. Отчим вымел все подчистую.

Проверяю ящички – пара кистей, костяной гребень и рассыпанная пудра. Намека на записные книжки нет. Со вздохом смахиваю с зеркала пыль и всматриваюсь в свое отражение.

Ну что тут скажешь? Элис, конечно, была красивой, но хрупкой фарфоровой куклой с бледной кожей, тонкой шеей и выпирающими ключицами. Точнее, теперь это я. Но кое-что сейчас выпадает из этого образа – взгляд.

Да, эти большие цвета плавленной карамели глаза принадлежат несчастной девушке, но взгляд… Именно по нему я узнаю себя. Особенно в тот миг, когда я поклялась себе выжить, несмотря ни на что: ни на то, что мой отчим умудрился повесить на меня свои долги, ни на то, что, вопреки оправдательному решению суда, меня уволили, и мне пришлось уехать чуть ли не на другой конец страны, чтобы найти работу, ни на то, что тот, кто уверял в любви, укатил в отпуск с подругой.

Именно я сейчас смотрела на себя в зеркало, свято уверенная: что бы ни произошло теперь – я выстою. Отомщу за Элис, отстою это поместье, восстановлю дело ее родителей. Ведь не так просто в это тело закинуло именно меня?

– И нос этому вредному шадхару я тоже утру! – восклицаю я вслух, хлопая ладонями по крышке туалетного столика.

И где-то сбоку раздается щелчок…

Я даже замираю от неожиданности на несколько мгновений. Неужели?.. И правда. Сбоку, ближе к задней стенке, на туалетном столике виднеется отщелкнутый ящичек.

Две толстые тетради в кожаных переплетах. Оно. Точно оно!

Первая – с потертой обложкой из мягкой кожи, чистая – явно личный дневник. Я открываю его наугад, пробегаю глазами по строчкам, написанным летящим, нервным почерком. Про Элис, про отчима, про болезнь…

Потом. Сяду и подробно изучу, потому что Элис слишком мало знала о жизни матери. Все, что клубится в моей памяти – резкий запах реагентов и трав, усталый потухший взгляд и только временами завтраки в столовой. Чаще мать просто забывала поесть, и Марта относила ей что-то в кабинет.

Я с хлопком закрываю дневник. Возможно, тут же найдется и компромат на отчима – не могла же мать не замечать, чем Крауг занимается.

А вот вторая тетрадь, более строгая, с переплетом из твердой кожи, покрытой каким-то защитным составом, и плотными страницами, кое-где испачканными реактивами, – как раз то, что мне нужно.

Даже лучше: это не только записи рецептов и их действия, но и бухгалтерская книга. Что закупали, что продавали, сколько, когда, адреса, имена. Все есть. Как и куча прочерков напротив названий ингредиентов и лекарств.

Причем цвет чернил, толщина линий и разные пометки говорят мне о том, что эти прочерки появлялись не одновременно – последовательно.

Похоже, оранжерея начала разрушаться уже давно. Просто сначала процесс был не очень заметным, а потом проблемы стали нарастать снежным комом. На это наложился образ жизни отчима и нехватка средств и… Вот, я пришла к тому, что из обширного разнообразия растительного сырья мне достаются лишь крохи.

Я листаю страницы, обращая внимание на записи заказов, которые мать Элис, надо сказать, вела очень скрупулезно и точно. Но чем дальше, тем хуже: сухие цифры и короткие приписки на полях кричат громче любых жалоб.

“15 октября. Таверна „Хромой Краб“. 30 флаконов „Морского бриза“. Оплата – в счет долга за уголь, 3 серебряных”.

Осознаю, что я фактически не знаю, много это или мало, потому что Элис была слишком далека от торговли и банального денежного оборота. То есть в ее понимании было, что медяк

– это копейки, если переводить на мой язык. Или что сумма, озвученная в качестве долга за налоги, огромна.

Но все, что касается бытовых трат – она была как слепой котенок. Мне придется в этом разбираться самой. И желательно сделать это быстро и не привлекая лишнего внимания.

“2 ноября. Портовый скупщик Варрик. Сдала партию мази от ревматизма. Он сбил цену вдвое, потому что Вальтер ему и так должен. Мерзавец. Но наш лунник почти загнулся, а порошок нужен – придется докупить. Еще нужны деньги на спирт, хотя бы самый дешевый”.

Грязный спирт – убийство итогового продукта. Надеюсь, у них тут есть хотя бы средство для перегонки? Чувствую, придется поработать.

“20 ноября. Частный заказ. Леди Вильерс. Омолаживающий тоник. Ингредиенты: жемчужная пыль, эфирное масло розы, сок алоэ. Себестоимость – серебряный. Продала за пять. Деньги зашила в подол старого зимнего платья”.

Платье? Хм… Надо будет перетряхнуть гардероб. Есть надежда, что в тряпки матери Крауг не полез – побрезговал.

Но больше всего вдохновляет одна из последних записей.

“4 декабря. Срочный заказ от капитана шхуны „Бесстрашный“. Противоядие от укуса скальных скорпионов. Партия большая – они отправляются к южному разлому в воскресенье. Если успею, он заплатит золотом”.

Чуть ниже – расчет рецепта, себестоимость ингредиентов и неровная подпись: “Хватает!”

Ниже короткий список заказов от нескольких лавочников и один без подписи.

Успела ли она до воскресенья? Заплатил ли ей капитан за заказ? Ничего не написала. Судя по датам, это было за неделю до смерти мамы. Если Крауг там не хозяйничал, то хотя бы следы от приготовления заказа должны остаться. Или ингредиенты, если она не делала.

Я закусываю губу. Главное, что у матери была сеть сбыта. Пусть мелкая, пусть не шибко доходная, но реальная. И, возможно, если я вернусь к ним же со своим предложением, они с большой радостью согласятся.

Рецепты есть, последние записи о торговле и ингредиентах есть. Пора провести инвентаризацию и найти в определителях те растения, которые мне неизвестны, но в рецептах фигурируют. Со всем остальным – разберусь!

Я прячу тетрадь в складках юбки, а дневник матери Элиз убираю под подушку. В столик убирать не рискну – вдруг открылся в этот раз случайно и второй раз стукнуть не поможет?

Теперь – в лабораторию. Нужно сверить записи в журнале с реальностью. Ах, да… И отвязаться от шадхара, он же как обычно начнет задавать глупые вопросы. Показывать ли ему тетрадь?

Глава 9

Путь в лабораторию снова идет через “территорию дракона” – кабинет отца Элис. День за окном постепенно переходит в стадию угасания, поэтому светильник на столе сейчас кажется невероятно ярким.

И пахнет в кабинете больше не застарелой пылью и отголосками химикатов, а горьковатой кислинкой от растений и… почти неуловимо ароматом шадхара, который, кажется, теперь въелся в мой мозг. Это небольшое изменение преображает кабинет. Он перестает быть бездушным.

Кайан сидит за столом отца, изучая стопку пожелтевших расписок и брезгливо перебирая их длинными пальцами, словно это грязные салфетки.

– У вас не вышло придумать плана побега через дымоход? – его голос звучит ровно, без явной насмешки, но с легкой вибрацией, от которой у меня по спине бегут мурашки. – Или вы соскучились по моему обществу, неара Торн?

– Вы слишком хорошего мнения о себе и слишком плохого – обо мне, – парирую я, подходя к столу, но останавливаясь на почтительном расстоянии. – Я оценивала масштабы своего бедствия. Судя по выражению вашего лица, вы тоже. Что там? Очередное подтверждение того, что мой отчим был не финансовым гением, а финансовой катастрофой?

Шадхар поднимает на меня взгляд. В льдисто-голубых глазах пронизывающий сканер: у него уже создано впечатление обо мне, точнее, об Элис, но я каждый раз оставляю на нем трещину. Правильно: быть закостенело уверенным в чем-то мешает шире смотреть на вещи.

– Катастрофа… Интересное описание вы придумали всей ситуации, – Кайан небрежно отбрасывает бумаги одну за одной. – Лошади, карты, снова карты. Знаете, что обычно делают люди, загнанные в угол, Элис?

Он впервые называет меня по имени, и это вызывает смешанные чувства, потому что звучит… более лично и опасно одновременно.

– Продают душу дьяволу? – предполагаю я, скрестив руки на груди. – Или открывают незаконные разломы в поисках халявного эфира?

Черт. В этом мире нет дьявола. Заметит ли шадхар мою оговорку? И вообще… Меня первый раз посещает мысль: а как тут относятся к душам из других миров? Было ли уже хоть когда-то такое?

– Они начинают искать, на кого все переложить, – выводит меня из внезапной задумчивости Кайан.

Но вопрос о том, заметил он “дьявола” в деталях или нет, отходит на задний план. У меня пересыхает во рту, потому что я догадываюсь, что может подразумевать шадхар под этими словами.

– Ваш отчим не был владельцем поместья и лишь косвенно мог им распоряжаться, – произносит шадхар. – Но деньги-то должны быть обеспечены. Поэтому все расписки – с вашим именем в качестве поручителя. Ваш отчим заложил даже урожай будущего года, который еще не посажен.

– Не может быть… Элис… Я ничего не подписывала, – пытаюсь вернуть своему голосу уверенность. – Не совсем же я дура.

– Да вот… Слушаю вас, и кажется, что не совсем. А смотрю на документы, – он протягивает мне один из листов, – и начинаю сомневаться.

Прислушиваюсь к своим ощущениям, словно перебираю папки в картотеке, но ничего подобного не припоминаю. Элис ничего не подписывала. И это хорошо. Плохо, что теперь в этом надо убедить Кайана.

– Это подделка, шадхар, – увереннее говорю я. – Но специалист тут вы, поэтому вам это и доказывать. Если, конечно, вы хотите найти настоящего преступника.

Он чуть наклоняется вперед, вглядываясь в мои глаза, словно замечая, что там, внутри, вовсе не юная аристократка в беде.

– Знаете, что я выучил за свою жизнь? В отчаянии – люди способны на самые отвратительные поступки. На предательства, на преступления…

– Или на каторжный труд, – возражаю я, глядя ему прямо в лицо. – Вы видите долги и ищете мотив для преступления. А я вижу долги и понимаю, почему мать работала до изнеможения, и что свело ее в могилу. Попробуйте, шадхар, возможно, это будет более эффективно.

Никто из нас не отводит взгляд. Воздух между нами словно густеет. Это не допрос, это дуэль. Он давит авторитетом, я – упрямством. И, кажется, мое упрямство его забавляет.

– У вас удивительная способность, – наконец произносит Кайан тихо. – Вы стоите посреди руин своей жизни, на вас висит обвинение в государственной измене, а вы… пытаетесь меня чему-то научить? Это храбрость или глупость?

– Это инстинкт самосохранения. Если я прогнусь под вас, вы меня съедите, а мне не хочется думать, что эта отсрочка мне дана только для того, чтобы вы насладились моей беспомощностью.

Уголок его губ дергается в намеке на улыбку.

– Я учту. Куда вы направлялись с таким боевым настроем?

– В лабораторию. Хочу проверить, что осталось от родительского наследия. Или туда вы мне тоже запретите ходить?

Шадхар качает головой и выходит из-за стола, делая приглашающий жест рукой и не сводя с меня взгляда.

– Я как раз хотел осмотреть это помещение. Но… После вас.

Я прохожу мимо него, острее ощущая смесь металла и окутанной дымом хвои. Даже ловлю себя на мысли, что хочется задержаться и поглубже вдохнуть. Но нет. Точно не сейчас.

– Считаете, что в темную пещеру нужно впускать первой женщину? Или уже передумали, что вам лень писать объяснительные? – язвлю я.

Но перед входом я невольно делаю полшага назад, чувствуя, как к горлу подкатывает иррациональная паника. Темнота в лаборатории густая, почти осязаемая. Шадхар, видимо, замечает мою заминку. С его пальцев срываются огоньки и влетают внутрь, разгоняя мрак. Я с облегчением выдыхаю и переступаю порог.

Свет выхватывает из темноты просторное помещение, я задерживаю дыхание.

Это настоящая фармацевтическая лаборатория, словно сошедшая со старинных гравюр. Массивные столы с каменными столешницами, ряды полок с банками темного стекла, медные весы, прессы.

Красиво. Пока не приглядишься.

На самом деле все в плачевном состоянии, которое обусловлено вовсе не тем, что кто-то погромил или намеренно сломал – нет. Просто оборудованием активно и долго пользовались, но не ремонтировали.

Вернее, кое-где подкручивали, что-то подкладывали, где-то смазывали… Как могли продлевали жизнь.

Я провожу рукой по массивному медному смесителю. Видно, что на нем работали, но приводной ремень истерся до ниток и порван, а вместо того, чтобы заменить, его концы связывали бечевкой. На одной из реторт – трещина, аккуратно заклеенная чем-то вроде смолы.

Мой отчим брезгливо сказал бы: “Баба, что с нее взять!” А с матери Элис и нечего было взять. Она экономила на всем, в том числе на нормальном ремонте и запасных частях, куда ей было деваться?

– Впечатляет, – одобрительно произносит Кайан, чуть ярче заставляя гореть свои огоньки. – Здесь действительно работали мастера. Если не брать в расчет, что все сломанное.

Мне больно смотреть на это все не только с той точки зрения, что бедная женщина работала до потери пульса, чтобы выживать, но и… Эти все приборы, посуда, инструменты кажутся живыми, родными, как будто у них есть душа, и им сейчас очень плохо. Хочется о них позаботиться.

– Оно не сломанное, шадхар. Оно уставшее, – с болью в голосе говорю я, подходя к ручному прессу для отжима масел. – Смотрите. Здесь сорвана резьба. Мама не могла вызвать мастера – это дорого. Она просто подкладывала сюда щепку, чтобы зафиксировать вал.

Я подковыриваю ее, цепляю ногтем и вытаскиваю, демонстрируя Кайану. Он смотрит на щепку, на пресс, потом на меня – и в его глазах появляется уважение.

Пробегаюсь взглядом по полупустым пыльным полкам, по паутине в углах и затертым ручкам шкафов. Внутри там тоже все не лучше. Банки с выцветшими этикетками, жестяные коробочки с порошками. И даты на них, которые совсем не радуют.

– Вытяжка из раковины золотистого моллюска… Срок годности… – читаю я этикетку и тяжело вздыхаю. – Просрочено. Порошок сушеной гадюки… закончился. Спирт… ну, хоть спирт есть, но осадок странный.

Как мама Элис умудрялась делать качественный продукт вот на *этом*? Из того, что было?

– Удивительно, – голос Кайана звучит задумчиво. Он стоит у стола с реактивами. – Если верить отчетам, ваша мать делала сложные составы. Обезболивающие, заживляющие.

– И что не так? – настораживаюсь я.

В журнале это тоже записано, но что, если отчим и тут что-то мог “подкорректировать”.

– Что здесь нет ни стандартных стабилизаторов, ни катализаторов…

Я хмурюсь. В журнале про это не было ни слова.

– Голь на выдумки хитра, – усмехаюсь я. – Когда от результата работы зависит жизнь твоя и близких людей, наверное, найдется выход.

– Или это просто талант, – Кайан задумчиво рассматривает пузырь из темно-коричневого стекла с притертой крышкой.

И в его интонации нет сарказма. Только задумчивое удивление. Он так умеет?

Понятия не имею, с чего тут начать: чтобы хоть что-то приличное сделать, надо перебрать все, вымыть, починить. И мне одной рук на это не хватит. Бенджи? Нет, для него у меня есть другое, гораздо более важное задание. Марта? Посмотрим…

Я подхожу к перекошенному прессу и на автомате тянусь к нему.

– Подзовите свой свет сюда, мне не видно, – прошу я, забывая о субординации.

Кайан хмыкает, но решает просто понаблюдать, и делает жест, от чего все его огоньки зависают вокруг нас. Я нахожу на столе отвертку с расщепленной ручкой. Если ослабить контргайку, выровнять вал и затянуть снова…

Я высовываю от старания кончик языка, терплю противный прогорклый запах смазки, но не отступаю, даже когда кажется, что у меня ничего не получится. Шадхар кладет свою ладонь поверх моей и чуть-чуть нажимает. Металл скрипит, сопротивляясь, но потом с щелчком встает на место. Рычаг теперь ходит плавно.

Только вот я не спешу поднять взгляд – настолько неожиданной и смущающей показалась помощь Кайана. И опять этот аромат.

– Вы не перестаете меня удивлять, неара Торн, – констатирует шадхар. – Нетипично для благородной леди. И слишком…

– Подозрительно? – заканчиваю за него я. – Почему это подозрительно для меня, но нормально для моей матери? Она же тут работала.

– Но вы починили то, что она не смогла, даже особенно не задумываясь о причинах проблемы, – возражает Кайан.

Журнал я ему пока не покажу. Сначала сама все изучу. И соотнесу с личным дневником.

В этот момент в углу лаборатории что-то хлопает, металлическая банка с грохотом падает, оттуда рассыпается труха от каких-то старых засушенных растений.

Мы с шадхаром оба вздрагиваем, оборачиваемся, и он тут же занимает боевую стойку.

На одной из верхних полок сидит Бродяга, рассеянно глядя на нас.

– Я умираю!

Глава 10

Мы вместе с шадхаром смотрим на этого наглеца и понимаем: врет. И не краснеет. В смысле даже не думает сделать вид, что ему стыдно.

– Неара Торн, вы все еще всерьез уверены, что это меховое недоразумение действительно вам нужно? – усмехается шадхар, не опуская руку с красным свечением вокруг пальцев.

– Да вот… Уже начинаю сомневаться, – отвечаю я.

– Как можно! – восклицает енот, прикладывая лапки к груди. – Все! Вы ранили меня в самое сердце! Теперь точно умираю. Бессердечные! Пока вы тут заигрываете друг с другом, я вынужден голодать, потому что Марта запретила до обеда!

– Бродяга! – я моментально вспыхиваю праведным гневом. – Может, и правда, воротник?

Кайан хмыкает, и этот звук удивительно похож на сдержанный смех.

– Мне не привыкать к тому, что все считают, что у меня нет сердца, – произносит шадхар. – Полагаю, ваше мохнатое наследие пытается донести, что Марта послала его за нами. Пришло время обеда.

– Слышала? Все-таки не совсем безнадежен! – вопит Бродяга и, не дожидаясь ответа шадхара, прыгает с полки прямо на плечо Кайана, оттуда на стол и пулей вылетает в арку.

Кайан замирает, стряхивая с безупречного камзола невидимую пылинку, оставленную лапой енота.

– Так вы не возражаете? – спрашивает шадхар.

– Против чего? – решаю уточнить я.

– Против нового полосатого воротника. Зиму в этом году обещают суровую, – замечает Кайан, но в глазах пляшут бесенята.

Он на мгновение мне кажется значительно моложе, как будто с него слетает маска, которую он привык носить, как будто внутри этого хмурого и вечно недовольного служаки все еще жив хулиганистый парнишка.

– Идемте, Элис, – Кайан возвращается к своему привычному выражению лица. – Не будем расстраивать Марту. И я хотел бы понять, что вы собираетесь делать, и насколько это будет мешать мне.

– А разве вам не мешает вообще все? – усмехаюсь я.

– Вы слишком хорошего обо мне мнения, – язвит шадхар.

Я иду за ним, чувствуя, как внутри разжимается пружина страха. Он даже умеет шутить! Ну и, в конце концов, помог с прессом. Может, и есть в нем что-то хорошее?

Обед тоже кстати: сытый аркан – это уже половина победы. А я уверена, что Марта готовит лучше меня и не будет ограничена только яичницей.

Шадхар приказал накрыть на кухне, за уже привычным столом, потому что столовая, которая успела выстудиться, не способствовала бы спокойному обеду – зубы бы стучали от холода, а не занимались пережевыванием пищи.

На кухне же уютно: через окна виден запущенный подъездной двор, припорошенный снегом, серая лента дороги и плотная стена хвойного леса, за которым туман скрывает горы. Именно там, среди них, как подсказывает мне память Элис, и находится один из ближайших разломов.

Гримспорт – прибрежный городок, перевалочный путь для тех, кто едет “обогащаться”, работать на шахтах у самого разлома. Все знают, что оттуда можно или вообще не вернуться, подцепив неизлечимую магическую лихорадку, или стать богачом. Только этим богатством сможешь наслаждаться недолго – работа в шахтах сокращает жизнь вдвое, а то и втрое.

Именно там добывают те самые эфиролиты, сердцевинные камни для артефактов, самый ценный товар в стране, и поэтому подлежащий контролю. Именно в его контрабанде обвиняют меня. Бред же! Девчонка, которой едва стукнуло восемнадцать и которая вообще ничего не знает о жизни, – и вдруг контрабандистка. Да ей мозгов бы не хватило!

А мне теперь надо, чтобы моих мне хватило разобраться во всем.

Марта суетится у плиты. Она смогла преобразить кухню для того, чтобы “господам было приятнее есть”. Я хотела ей ответить, что настолько голодна, что кружевная скатерть и идеально сервированный стол мне вообще погоды не делают, но… Потом присмотрелась и поняла, что делают.

Стало намного приятнее, по-домашнему тепло и душевно.

Бродяга сидит на высоком стуле у рабочего стола и что-то уже активно жует.

– Бродяга, ты помыл лапы? – спрашивает Марта, строго глядя на енота.

– Три раза! – отвечает ей зверек.

– За сутки или за неделю? – внезапно вырывается у меня.

– За утро, – обиженно отвечает енот.

Марта так выразительно на него смотрит, что он тут же решает отложить свой кусок булки, исчезает и появляется уже у крана с водой.

– И с мылом! – напоминает экономка.

– Мы, пожалуй, обойдемся без напоминания, – произносит шадхар, пропуская меня к раковине первой. – Но я рад, что хоть кто-то прививает этому мохнатому недоразумению манеры.

– Элис не знала о нем, – говорит Марта. – Я уверена, что госпожа прекрасно справилась бы с его воспитанием.

– Не знала? – хмыкает Кайан, бросая на меня выразительный взгляд.

Даже если не знала – неужели непонятно, что мне стало жалко этого хулигана. Живой же.

– Присаживайтесь, Элис, – Марта указывает на стол. – И вы, шадхар Рад’Исент. Чем богаты.

На столе – супница с похлебкой из вяленого мяса и сушеного сельдерея. Запах густой, вкусный, но я-то знаю, что припасов почти нет. Рядом – серые лепешки и пара сморщенных яблок.

– Я уже отправил сообщение о том, чтобы нам привезли припасы, – Кайан занимает место во главе стола. – Благодарю, Марта.

Он ведет себя почти расслабленно, хотя его сила все равно ощущается как статическое электричество в воздухе. Но мой аппетит ничего не испортит! Даже испытующий взгляд шадхара.

Пользуясь памятью Элис, я кое-как припоминаю, как должна есть аристократка. Потому что Марта к этому всегда относилась трепетно.

Салфетка на колени – и плевать, что этому платью уже ничего не страшно. Бесшумно помешать, чтоб остудить. Зачерпнуть от себя и коснуться ложкой края, чтобы не капало. Есть с острого края.

А вот это все, кажется, поумерит аппетит – я, пока так буду есть, скорее состарюсь! Правду отчим сказал: можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки… Ладно. Кажется, шадхар больше внимания стал уделять своей еде. А Марта отвлеклась на чайник.

Можно так сильно не напрягаться, но переучиваться придется, если я планирую тут оставаться, а других перспектив я пока не вижу.

Марта подхватывает тяжелый чугунный чайник и слишком резко дергает его ручку. Раздается резкий, сухой щелчок лопнувшего металла. Старое ушко не выдерживает. Чайник кренится, массивная крышка соскальзывает, и столб перегретого пара вперемешку с кипятком обрушивается прямо на предплечье Марты.

Грохот упавшего чугуна тонет в её резком выдохе. Она не кричит – лишь стискивает зубы, моментально бледнея.

Глава 11

Чайник падает на плиту, кипяток с шипением разливается по раскаленной поверхности, и кухню наполняют клубы пара.

Мир как будто замирает, а мозг переходит в суперскоростной режим. Схема в голове выстраивается автоматически, и действовать я начинаю быстрее, чем все успевают сделать вдох.

Я замечаю, как Марта уже тянется к обожженному предплечью. В панике. Неосознанно, просто на рефлексах. Вскакиваю с места, опрокидывая стул и командуя:

– Не смей трогать! – рявкаю так, что, кажется, даже шадхар задумывается о том, что же ему трогать нельзя.

Но я не могу допустить, чтобы Марта содрала кожу: нестерильные у нас условия, а антибиотики еще не придумали. И заживать дольше будет.

Оказываюсь рядом с экономкой практически в отчаянном прыжке и жестко перехватываю запястье.

– Марта, – ловлю ее взгляд, заставляя концентрироваться на мне. – Дыши. Смотри на меня. Всехорошо. Дыши.

Она в шоке, зрачки расширены, дыхание прерывистое. Меня радует только то, что работала она с закатанными рукавами, и теперь не нужно освобождать ожог от ткани, которая создала бы дополнительные сложности.

А вот картина меня не радует. Кожа пунцовая, местами уже белеет – верный признак того, что пузыри появятся с минуты на минуту. Вторая степень. Гадость какая.

– Давай к раковине! – я буквально тащу Марту к крану.

– Элис, деточка, да что вы, сейчас маслом помажем и… – лепечет экономка, пытаясь вырваться, а у самой уже губы белеют.

– Еще чего придумала! – отрезаю я, толкая ее руку под струю холодной воды. – Масло создаст пленку, температура уйдет внутрь, и получим мы мясо Марты в собственном соку.

Юмор, конечно, черный. Стресс сорвал все ограничения, и я болтаю, что в голову лезет.

Однако Марта замолкает, ошарашенная моим тоном, и перестает сопротивляться. Я включаю воду на полную. Она холодная, но этого мало. Нужно непрерывное охлаждение минимум пятнадцать минут.

Я поворачиваю голову к шадхару. Он стоит рядом, мрачно следя за моими действиями. Представляю, что у него теперь в голове относительно моего поведения.

Но могла ли я вести себя иначе? Определенно, нет.

– Не стойте столбом, шадхар, поддержите Марту.

Она действительно дышит неровно, тело начинает дрожать, а на лбу появляется испарина. Отходняк.

– Вы приказываете мне? – спрашивает Кайан.

– Если хотите жить во вменяемых условиях, а не на походном сухпайке, пока вы в этом доме, – жестко произношу я, не отпуская руку экономки, – то постарайтесь быть поддержкой и опорой Марте, пока она не свалилась в обморок.

Шадхар больше привык командовать, чем подчиняться, и об этом просто кричит его вид. Но сейчас он сосредоточенно и очень аккуратно придерживает Марту. Мне явно потом многое придется объяснять, только вот сейчас не до этого.

Мелькает мысль, что обидно, что в этом мире магией можно сделать многое, но только не лечение. Здесь магия – это, скорее, разрушение, трансформация. А заживление – слишком тонкий процесс, с которым не справляются арканы.

Так что лекари и аптекари тут очень нужны.

В дверях появляется немного неуклюжий и сильно взволнованный Бенджи – похоже, прибежал на грохот и крики. Главное, вовремя.

– Бенджи! – привлекаю я его внимание к себе. – Тащи одеяло скорее! Марту нужно согреть, сейчас начнется озноб.

Бенджи сам немного бледнеет, не в силах оторвать глаза от экономки в руках шадхара. Но кивает и убегает.

Так… Едем дальше: енот не задействован. Сидит на шкафу, прижав уши.

– Бродяга! Нужно полотно. Чистое. И из лаборатории что-то с подписью “от боли”, – командую я.

Вдруг найдет, мало ли.

– Я мигом! – енот, обрадовавшись, что может быть полезен, растворяется в воздухе.

Я продолжаю держать руку Марты под водой, наблюдая, чтобы экономка не свалилась в обморок.

– Болит? – спрашиваю я ее, не прекращая контролировать процесс.

– Жжет… как огнем, – шепчет она, кусая губы. – Элис, откуда вы…

– Потом, Марта. Все вопросы потом, – обрываю я.

На столе материализуется енот. В зубах он тащит сверток какой-то ткани, а в лапах прижимает два пузырька.

– Вот! Я нашел тут, это настойка лилоцвета. Пойдет? – спрашивает енот.

Я едва ли знаю, что такое лилоцвет. Но зато Элис знала с детства. Когда-то только он мог снять мигрени, что мучили отца. Пара капель на полстакана воды.

– Пойдет, – киваю я. – Бродяга, мне нужен чистый стол. Шадхар, усадите, пожалуйста, Марту за стол.

Енот моментально разбирает наш неудавшийся обед, освобождая место для перевязки.

Марта, кажется, реагирует все меньше.

– Это – внутрь, – командую я.

Я отвлекаюсь и растворяю две капли настойки в чистой воде. Марта послушно пьет.

Кожа ярко-красная, вздулись три крупных пузыря. Целостность не нарушена, это хорошо. Главное, чтобы не лопнули.

Я разворачиваю ткань, которую принес Бродяга. Стираная, но влажная. А должна быть стерильная.

– Шадхар, – окликаю я мужчину, который оказался без дела. – Мне нужно, чтобы вы разогрели ткань почти до возгорания, а потом охладили.

– Вы хотите, чтобы я использовал боевую магию на тряпке? – он смотрит на меня как на умалишенную.

– Мне все равно, какую магию вы используете. Мне нужна чистая и сухая тряпка!

Кайан прикрывает глаза, как будто сосредотачивается, и через пару мгновений над полотном поднимается белый парок.

– Благодарю, – киваю я, не глядя на него.

Ловкими, отточенными движениями, которые впечатаны в мою мышечную память, я накладываю свободную повязку. Не давить. Просто прикрыть от воздуха и грязи.

– Все, – выдыхаю я, завязывая последний узел. – Теперь покой и много питья.

В этот момент возвращается Бенджи с пледом. Я укутываю Марту, которая, кажется, начинает отходить. А значит, начнутся вопросы. Будет в очереди за шадхаром.

– Бенджи, отведи Марту к ней и посиди с ней рядом. Если что – зови меня, – я протягиваю ему стакан с водой.

Конечно, сделать бы воду с медом, но искать его сил нет. Бродягу попрошу, чуть позже сделаем. Бенджи кивает и помогает экономке встать.

Я отхожу от стола, возвращаюсь к раковине и тщательно мою руки, смывая чужую боль и напряжение. Только сейчас замечаю, что у меня самой дрожат колени.

– Мне кажется, или это стоит обсуждения? – раздается голос шадхара.

Глава 12

Как официально. Еще б допрашивать начал! Хотя с этого станется – он может и допрашивать: он шадхар, а я – подозреваемая.

Напряжение сходит, нервная система после перегрузки переключает режим работы, и у меня перед глазами начинает плыть. В пору самой грохнуться в обморок. Но где уж там! Шадхар требует ответов.

– Удивительная стойкость для молодой аристократки, – совсем рядом раздается голос Кайана, низкий и вибрирующий, словно предупреждающее рычание.

И снова этот аромат, который затуманивает мозг. Он как еще одно оружие этого невыносимого мужчины.

Я намеренно долго вытираю руки полотенцем, чтобы оттянуть момент, когда мне нужно будет объяснять. Пальцы тоже начинают дрожать не меньше коленей, тело будто ватой набили и в морозилку засунули.

Да уж, не особо выносливой была Элис, придется это исправлять, если я хочу со всем справиться.

Кайан стоит теперь слишком близко, я даже чувствую жар его тела. И, честно говоря, сейчас именно это заставляет меня наплевать на то, что с его стороны это нарушение всяких границ. Мне нужно согреться – пусть стоит.

Я разворачиваюсь и почти утыкаюсь носом в его грудь. Широкую, мощную, горячую. Упираюсь руками в нее, чтобы чуть отстранить шадхара, ну и погреть совсем заледеневшие от спазма сосудов пальцы.

Мне приходится задрать голову, чтобы встретиться с шадхаром взглядом. Кухня вдруг кажется крошечной, а воздуха в ней – катастрофически мало.

– Что именно вы хотите обсудить, шадхар? – мой голос звучит тише, чем хотелось бы. – То, что я не дала нашей экономке остаться калекой?

– Ваши приказы, ваши знания, ваше умение… держать удар, – вместо того, чтобы отстраниться, Кайан сдвигается еще ближе, и я невольно вжимаюсь поясницей в край раковины. – Милая тихая графиня, которая вышивает и рисует. Мало того, дерзит, так еще и ведет себя как лекарь в военном лагере. Как так, неара Торн?

Он произносит мое имя так, будто пробует его на вкус, пытаясь раскусить фальшивку.

– Откуда вам делать выводы? Из записей тех, кто состряпал фальшивое дело? Или вы судите по тому короткому времени, что меня пытались заставить признаться в том, чего я не делала? Не слишком ли это непрофессионально для главного шадхара? – лучшая защита – это нападение. – Вы видели лабораторию, Кайан. Вы знаете, кто мои родители. Я провела с ними всю жизнь.

– Сидя в углу с куклой? – скептически выгибает бровь он. – Ваши родители не допускали вас к работе.

– Меня не допускали к ингредиентам, на которые не было денег, и к оборудованию, которое я могла сломать, – лгу я, глядя ему прямо в глаза. И чем увереннее я это делаю, тем проще это звучит. – Но у меня были глаза и уши. Я сидела там часами. Смотрела и слушала.

Кайан молчит, его взгляд скользит по моему лицу, изучая каждую черточку. Он ищет подвох.

– Знать и наблюдать – это одно, – медленно произносит он, опираясь руками о столешницу по обе стороны от меня, заключая в капкан.

Его лицо теперь на одном уровне с моим. Тепло его тела окутывает меня, и это пугающе приятно.

– Но… Вы не запаниковали. Вы командовали. Все в народе знают, что ожоги надо мазать маслом. Но… вы запретили. Так сделал бы любой из медиков моего отряда, но не обычный обыватель.

– Это страх и логика, шадхар, – выдыхаю я, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. – Первый позволил быстро собраться, вторая, к счастью, помогает осознавать простые вещи, касающиеся распространения тепла.

В его ледяных глазах что-то вспыхивает. Золотые искры магии аркана на дне зрачков, губы растягиваются в опасной улыбке, обнажающей острые клыки. Привыкну ли я, что у нормального с виду человека есть такие?

– Я здесь, чтобы найти истину, – произносит Кайан. – И я ее найду, можете не сомневаться.

Он неожиданно накрывает мою ладонь своей. Его кожа горячая, сухая и жесткая.

– У вас руки дрожат, – констатирует шадхар, продолжая смотреть мне в глаза.

– Это нормально после такого сильного волнения, – отвечаю я и вовсе не вру. – Я испугалась за Марту.

Кайан медлит секунду, его большой палец едва ощутимо проводит по костяшкам моей кисти. Этот жест заставляет мурашки пробежать по моей спине. А затем он резко отстраняется, убирая руки и возвращая мне личное пространство, хотя холод, пришедший на смену его теплу, мне совсем не нравится.

– Пожалуй, с обедом сегодня покончено, – произносит шадхар, отходя все дальше. – Я буду в кабинете. И, Элис… С огнем играть опасно.

Опасно. Определенно. И почему мне кажется, что он только сделал вид, что удовлетворится моим объяснением? Мы или вернемся к этому вопросу снова, или… Он сам будет искать. А, значит, мне нужно быть особенно осторожной.

В отличие от шадхара я все же доедаю свой обед, на пару с Бродягой готовлю чай с медом для Марты и отправляюсь к ней.

В комнатке экономки стоит полумрак. Я рассчитываю найти ее на кровати, но она стоит у стола и что-то держит в своих руках.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я, прикрывая за собой дверь.

– Уже лучше, – спокойно отвечает Марта, поворачиваясь ко мне. – Но у меня только один вопрос. Кто сейчас меня спрашивает?

Я не отвечаю сразу. Захожу в небольшую комнатушку с одним окном, выходящим на север и отбрасывающим серый свет на напряженную фигуру Марты.

На стене над изголовьем кровати – изображение трех пересекающихся колец и лампада, символ местной религии. В комнате аккуратно и свежо: небольшая форточка впускает прохладный влажный ветерок с улицы.

Бенджи нет, хотя я просила его присмотреть за Мартой. Она, видимо, догадывалась, что я сама зайду, и уже готовилась к этому разговору.

– Его нет. Я отправила его проверить камин в столовой, – тихо говорит экономка, правильно понимая то, что я окидываю помещение взглядом. – Чтобы господа больше не пугались от вот таких глупых случайностей.

Прикрываю дверь за собой и подхожу ближе к Марте, чтобы поставить на стол чашку.

– Это не глупая случайность, – отвечаю я. – Это важно. Для ожога важнее всего именно первые мгновения после травмы.

Она качает головой, неловко ведет рукой и морщится от боли.

– Тебе лучше лечь, – говорю я. – Давай помогу.

Я хочу придержать ее, чтобы помочь устроиться на кровати, но она делает шаг назад, сохраняя расстояние между нами.

– Я очень благодарна и за помощь, и за внимание, – произносит экономка, не сводя с меня пронизывающего взгляда. – Но мне действительно важно понять, с кем я сейчас веду беседу.

Врать бессмысленно. Я понимаю это с кристальной ясностью, глядя в усталые, покрасневшие от боли, но такие проницательные глаза Марты.

Она нянчила Элис с пеленок, она знает каждый ее жест, каждую интонацию, каждую привычку. Мои навыки первой помощи, моя манера говорить, моя решительность на кухне – для шадхара это подозрительно, но его-то еще можно запутать, найти более-менее логичное объяснение.

Для Марты мое поведение – неопровержимое доказательство, что я не Элис. Она не смогла бы действовать так хладнокровно, приказывать аркану. Девушка, скорее, впала бы в панику или заплакала бы. И уж точно не рассказывала про “Марту в собственном соку” и не накладывала асептическую повязку.

Не дождавшись моего ответа, экономка решает предположить:

– Что это? Искусная иллюзия? Вас послал Крауг? Для чего? Отнять то, до чего все еще не успел добраться? Сомневаюсь, что еще что-то такое есть в этом доме.

Тишина в маленькой комнатке становится плотной, звенящей. Я медленно выдыхаю, усаживаясь на край жесткой кровати рядом с ней, опускаю голову, разглядывая свои руки – руки Элис. Тонкие, бледные, без мозолей, с аккуратными ногтями.

– Нет, Марта, я не иллюзия, – отвечаю я, а ощущение, будто ныряю в ледяную воду. – И Крауг меня не подсылал, но я действительно не Элис.

Лицо экономки дергается, но она стойко выдерживает эти слова.

– Что с ней? – спрашивает Марта.

– Я не знаю, – пожимаю плечами. – В один миг я открыла глаза и обнаружила себя на суде. Перед вопросом: признаю ли я себя виновной.

Марта опускается рядом со мной, вздыхая. Все такая же прямая, как струна натянутая, стойкая, принимающая факты такими, какие они есть.

– И вы сказали, что нет?

– Конечно, – отвечаю я.

– Значит, это шанс, – глухо произносит она. – Элис была добрым, светлым, но совершенно беспомощным ангелом. Она не умела держать удар и гнулась под любым давлением. Моя девочка не могла противостоять такому мерзавцу, как Крауг.

Наступает молчание. Я не совсем понимаю, что она этим хочет сказать.

– Это все неслучайно, – Марта поднимает взгляд на круги на стене. – Я молилась за Элис Хранительнице, за ее душу, за то, чтобы дали ей сил выстоять, и Жнецу, чтобы он восстановил справедливость. Не знаю, кто из них откликнулся на мой зов, но, видимо, только так можно было спасти и ее душу, и ее тело, и… род. И отомстить.

– Ты предполагаешь, что Элис… мертва?

– Ее душа не умерла, она просто ушла к своим родителям, – твердо произносит экономка, глядя на меня. – Иначе бы она не вынесла всего того, что могло с ней произойти.

Ага, а, значит, я должна это выносить? Интересная справедливость мира, однако. Но кто знает, что со мной случилось в той необъятной луже?

– Марта, я не умею вышивать гладью, еще хуже я рисую. А уж покорности от меня не дождался даже мой кот, – отвечаю я. – Зато, раз уж я здесь, я действительно готова поднять аптеку, разобраться с долгами и хорошенько потоптаться по Краугу – он мне еще в суде не понравился.

Я подаюсь вперед, беря ее здоровую руку в свои ладони. Мои пальцы холодные, ее – горячие.

– Но мне нужна помощь. Мне нужна ты. Одна я не справлюсь, я совершу ошибку, проколюсь на мелочах, которых не знаю. Кайан – не дурак, он уже подозревает, – говорю я чистую правду. – Ты расскажешь ему, что я – не Элис?

Глава 13. Кайан Рад'Исент

Кабинет встречает полумраком и стойким запахом пыли, с которым по интенсивности конкурирует запах влажной земли. Эта неугомонная и упрямая неара как минимум на треть заставила кабинет полусдохшими растениями, половину из которых я видел впервые.

Пальцы сами тянутся к виску: боль, берущая начало где-то в глубине, потихоньку просачивается на поверхность, мешая сконцентрироваться. Но еще есть шанс, что очаг не разрастется и не превратится в пламя. Я разжимаю руку и опускаю ее на самую крайнюю папку, в которую я складывал все документы по доходам семьи Торн за последние два года.

Мать Элис работала, продавала некоторые лекарства за копейки. Немного помогала продажа урожая. Но почва в этих землях не особо плодородная, да еще и слишком близко к разлому – такой товар на рынке стоит дешевле.

В последний год стали продавать ценности и даже мебель, чтобы не голодать. Марта и этот мальчишка действительно и до этого работали хорошо если за еду, а то и, как сейчас – сами приносили из города.

Зато Крауг ни в чем себе не отказывал: об этом говорит вторая стопка. Выписки со скачек, карточных игр и даже пара долговых расписок из борделя. Конечно, не в Гримспорте – в Фортауне, главном городе провинции, куда и притащили на суд девчонку.

Крауг методично разорял поместье, словно термит. Он не просто мот и пьяница. Он паразит. Глупый, жадный паразит, который высасывал жизнь из этого дома, пока не осталась лишь сухая оболочка.

Но делал это так, чтобы потом не сдохнуть, а дожить до того момента, пока он не найдет новую жертву. Все документы, которые могли бы висеть на нем и по которым деньги стоило бы стребовать с него, только за подписью Элис Торн.

Можно было бы подумать, что он либо обводил девчонку вокруг пальца, либо опаивал ее чем-то. Но я больше склоняюсь к мысли, что Крауг просто подделывал документы. И если это доказать… Ему проблем точно не избежать, а значит, он будет заинтересован это все уничтожить.

Не просто так он хотел остаться в доме с Элис. Здесь есть доказательства его вины и невиновности Элис. Но есть и другая проблема: контрабанда – слишком сложно для него, не того он полета птенчик. А значит, что это не его идея – его кто-то использует.

Этот "кто-то" достаточно влиятелен, чтобы организовать быстрое расследование и остаться незамеченным. Ведь так просто свалить все на тихую и не умеющую дать отпор неару.

Впрочем, их расчеты нарушил не только я, как выяснилось. Сама неара Торн…

Я опускаюсь в кресло и откидываюсь на спинку, прикрыв глаза. Перед мысленным взором тут же возникают строчки из характеристики подсудимой: "Характер: замкнутая, молчаливая, склонная к меланхолии. Образование: домашнее. Навыки: вышивка". Мать берегла ее, отец не подпускал к опасным реактивам. Она жила в своей комнате, вышивала, рисовала.

И что же предстало передо мной? Девица с зубками и ослиным упрямством!

Кухня. Грохот упавшего чайника. Пар, крик Марты и… Элис.

Она метнулась к пострадавшей быстрее, чем я успел среагировать. А я военный, аркан. Мои рефлексы отточены до автоматизма. Но она опередила меня.

Не испугалась. Не завизжала.

Она отдавала приказы мне, тому, кто может решить ее судьбу, и не испытывала страха. Да, я видел потом дрожь ее рук. Но это последствие невероятного напряжения, моментальной активации всего организма, но никак не показатель того, что она боялась меня.

Может, Элис Торн все эти годы притворялась беспомощной, а на самом деле…

Нет. Я качаю головой. Слишком много свидетельств обратного. Марта, Бенджи – они знали ее с детства. Их реакция на ее поведение тоже говорит о многом. Марта застыла в шоке, когда Элис начала командовать. Только имеет ли смысл их спрашивать? Вряд ли они скажут правду.

Но это и не иллюзия – эфирный шлейф сиял бы для меня как маяк. Что тогда?

Я усмехаюсь. Она врала мне в лицо. Глядела своими огромными карамельными глазами, в которых плескался страх пополам с вызовом, и нагло лгала.

“Я сидела там часами. Смотрела и слушала”.

Чушь. Нельзя научиться так действовать, просто наблюдая. Ее руки двигались быстрее мысли.

Она починила пресс. И сделала это с таким умением, будто уже не один раз проделывала подобное. Но как, если даже ее мать не могла нормально починить оборудование?

А еще она пахнет.

Я сжимаю кулаки.

Обычно человеческие запахи слишком бледные, невыразительные. Скучные. Но от нее исходит что-то странное, цепляющее. Аромат трав, озона, но сквозь эти запахи пробивается что-то едва уловимое, сладковато-свежее.

Что-то, от чего моя вторая суть, обычно дремлющая под слоем ледяного спокойствия, вдруг встрепенулась. Ей нравится дерзость, сила, спрятанная в хрупком теле.

Что это? Охотничий азарт? Вероятно.

Там, у раковины, казалось, что я загнал ее в угол – все, хищник должен быть доволен. Но он решил получить удовольствие от игры с жертвой. Элис врала, а я сделал вид, что поверил.

Я хочу выяснить, кто она. Хочу разобрать ее на части, как механизм, и понять, что заставляет ее работать. Хочу увидеть, как она сломается – или не сломается.

Усмехаюсь сам себе. Опасно. Для нее, конечно.

Дверь скрипит. Я знаю, кто это, даже с закрытыми глазами, еще до того, как она делает шаг внутрь.

– Вы решили, что кабинет подходит для сна лучше, чем нормальные гостевые покои? – усмехается Элис.

– Я решил, что не стоит оставлять без присмотра ни оранжерею, ни лабораторию, – отвечаю я и открываю глаза.

– Еще не убедились, что здесь красть нечего? Или все еще думаете, что я прячу где-то под половицей секреты? – ее голос даже не дрожит. В отличие от рук.

Она стоит в дверях, кутаясь в ту же нелепую шаль. Бледная, с темными кругами под глазами, в старом платье, которое ей велико. Но она держит спину так прямо, словно за ней армия.

Вспоминаю, как она стояла у раковины, прижатая моим телом к краю столешницы, готовая держать удар. Так же как сейчас.

– Как минимум думаю, что секреты у вас есть, – мягко произношу я, вставая.

Медленно обхожу стол, приближаясь к ней. Я вижу, как дрогнули ее ресницы, как она неосознанно сжимает пальцы на ткани шали.

– Они есть у всех, шадхар, – твердо произносит Элис. – Вы же не рассказываете мне, почему главный дознаватель Совета Арканов возится с делом провинциальной контрабандистки лично.

Туше. Но это не ответ.

– Я здесь, потому что не люблю, когда мне лгут, – говорю я, глядя ей прямо в глаза. – И еще меньше люблю, когда из меня пытаются сделать идиота.

– Так просто не будьте им, – произносит она после того, как ее сердце пропускает удар. – И давайте работать, зачем тратить время?

Элис Торн не остановится. Что бы я ни сказал, что бы ни запретил – она будет драться. До конца.

Вызов? Глупо.

Глава 14

Марта настаивает на том, что должна приготовить ужин, и никакие мои уговоры на нее не действуют. Поэтому мы договариваемся, что она будет это делать по рецепту: чтобы приготовить ужин для шадхара, возьми одного Бенджи… Ну и дальше роль дирижера и топ-менеджера в одном лице.

Думаю, они справятся.

В кабинет отца Элис я иду уже с боевым духом: поддержка Марты для меня сейчас будет неоценима. Она лучше всех знает поместье, время от времени все же помогала в лаборатории – хотя искренне старалась не лезть – и, самое главное, знает город и людей. В этом мне память Элис помочь не может.

Именно этот дух и помогает мне, когда мне снова приходится столкнуться лицом к лицу с шадхаром. Причем буквально.

Он стоит, возвышаясь надо мной и давая понять, что все рассказанное мной в кухне – это хорошо, но он знает, что это ложь. Мне бы бояться его, но внутри все ярче разгорается огонек противостояния.

– Я здесь, потому что не люблю, когда мне лгут, – произносит шадхар, гипнотизируя меня, как удав кролика. – И еще меньше люблю, когда из меня пытаются сделать идиота.

Чувствую, как сердце сбивается с ритма, а потом начинает биться слишком часто.

– Так просто не будьте им, – говорю я, вздернув подбородок. – И давайте работать, зачем тратить время?

Язык мой – враг мой. Но отступать? Ни за что!

– Вы играете с огнем, неара Торн, – говорит этот наглый шадхар. – Но по поводу времени я с вами согласен. Темнеет рано.

Он прав: уже сейчас света не хватает даже рассмотреть ледяной блеск в глазах Кайана, а я собралась работать с определителями растений. Чем быстрее я пойму, что у меня из сырья, тем раньше я определюсь, какие лекарства смогу делать.

– Нет, с огнем я не играю, я сейчас за ним пойду, – говорю я и делаю шаг назад, словно выходя из состояния транса. – А то здесь не видно дальше носа.

Еще один шаг. Разворачиваюсь и собираюсь уже выйти из кабинета, но его горячие длинные пальцы смыкаются на моем запястье.

– Стойте, – говорит он. – Возьмите эфиролитовую лампу. А то подожжете мне здесь что-нибудь.

“Какая щедрость”, – чуть не слетает с моих губ, но я останавливаю себя.

– Спасибо, – говорю я. – Но как же вы?

– Я обойдусь магическими сопровождающими, – отвечает Кайан, и в воздухе над столом действительно вспыхивают уже знакомые световые огоньки.

Так вот как они называются. Конечно, зачем ему вообще нужны светильники и эфиролиты, когда есть магия!

Я молча забираю у него лампу. Мы на мгновение касаемся пальцами, и я краснею, как школьница. Хорошо все же, что здесь темно. Шадхар потирает виски и слегка морщится. Голова болит?

У аркана? Это фантастичнее, чем магия.

– Везет вам, арканам, – бурчу я, отступая в тень, туда, где Бенджи расставил горшки. – А нам, простым людям, приходится полагаться на масло, эфиролиты и остатки здравого смысла.

– Не завидуйте, Элис. У всего есть своя цена, – его голос звучит уже из-за спины, низкий, бархатный и опасный. – И иногда она выше, чем вы можете себе представить.

Я оборачиваюсь, чтобы понять, о чем он, но Кайан уже делает вид, что меня нет. Ну и хорошо. У меня и без него дел достаточно.

Я ставлю лампу на ближайшую полку и смотрю на зеленый хаос, который нужно систематизировать. А чтобы систематизировать, надо сначала понять, что есть что и чем я обладаю.

Тянусь к книжному шкафу, благо он рядом, и вытаскиваю тяжелый том: “Флора Северного разлома”. Открываю книгу, вдыхая запах старой бумаги, и начинаю работать.

Что же… определителем пользоваться я умею, а тут, к счастью, ничего новомагического в этом плане не придумали. Придвигаю к себе ближайший горшок.

В полумраке, разогнанном светом лампы, я вижу толстые, мясистые листья с зазубринами по краям. Здесь, в мире Элис, растение называется ледяным шипом, но оно слишком сильно напоминает алоэ. Разве что немного видоизмененное – голубого цвета и почти прозрачное.

Я провожу пальцем по листу. Растение обезвожено, но живо.

“Сок обладает мощным регенерирующим свойством, но при попадании на здоровую кожу вызывает онемение”, – гласит подпись под названием растения. По действию действительно похоже на алоэ.

И это прекрасные новости! Завтра с самого утра надо будет попробовать сделать экстракт для Марты. Да и в город продавать можно будет. Если найду способ.

Перехожу к следующему горшку: поникшее серое растение с фиолетовыми прожилками. Согласно книге – сонная лоза. Имеет запах, схожий с валерианой. Ну и действует аналогичным образом – как легкое седативное.

Сделаем спиртовую вытяжку. Учитывая, сколько нервов мне треплет один конкретный шадхар, без нее у меня глаз дергаться начнет.

Я перебираю горшки один за другим. Ситуация, конечно, аховая, но не безнадежная. Из двадцати спасенных растений гарантированно выживут штук восемь. А это уже на восемь больше, чем можно было ожидать. Полуживая мята, соцветия календулы с семенами, что-то очень похожее на шалфей и бадан, пара магических растений, аналогов которым я не нашла, и еще одно… которое так и не смогла определить.

Оно не подходит ни под одно из имеющихся описаний. Я несколько раз проходила по цепочке, сравнивала жилкование, край листа и цвет. Нет в книге такого!

– Вы смотрите на это растение так, будто это самое интересное, что вы видели в своей жизни, – выводит меня из раздумий голос шадхара.

– Уж точно интереснее старых бумаг, – огрызаюсь я, громко захлопывая книгу.

– Я наблюдал за вами, – произносит он. – Если вы, как говорите, видели работу ваших родителей, то эти растения должны быть вам как родные. А кажется, будто вы видите их в первый раз. Мне кажется, я и то знал больше растений, чем вы.

“Когда кажется, креститься надо!” – снова удерживаю я фразу, едва не слетевшую с языка.

– Вам не кажется, шадхар, что вы уделяете моим скромным ботаническим изысканиям слишком много внимания? – парирую я, обхватывая пальцами ножку лампы. – Боитесь, что я найду ядовитое растение и подсыплю вам в чай?

Он откидывается на спинку кресла и потирает пальцами подбородок. Свет над ним уже не такой яркий, как был в начале. Почему? Чтобы было легче меня рассматривать?

– Яд – это вопрос дозировки, неара Торн. Вам ли этого не знать, – произносит шадхар.

– Именно поэтому он опасен в руках того, кто знает, как правильно рассчитать дозу, – отвечаю назидательно. – Я закончила.

Кайан усмехается. Эта усмешка не добрая, она хищная, обещающая проблемы.

– Тогда идите, неара Торн, – он кивает на дверь. – И передайте Марте, что я ужинать сегодня не буду.

Я прохожу мимо Кайана, замечая, что он морщится и прикрывает глаза, когда свет от лампы попадает на него. Еще раз бросаю взгляд на тусклые магические сопровождающие.

В голове поселяется странное предположение, но… Всем в этом мире известно, что арканы не болеют. Это в их крови и их магии. Чушь.

Я ужинаю в одиночестве: Марта рано уходит спать, Бенджи занимается дровами, Бродяга, предатель, говорит, что у него одно очень важное дело, и с тихим хлопком исчезает.

Впрочем, после всего этого дня тишина кажется мне подарком. Я ухожу к себе в спальню, подкидываю в камин дровишек и устраиваюсь в кровати с дневником матери Элис.

Глава 15

Огонь в камине потрескивает, но света от него точно не хватило бы для чтения. Так что предложение шадхара насчет эфиролитовой лампы действительно для меня очень полезное. И безопасное.

Я поудобнее устраиваюсь на подушках, поджимаю ноги и вчитываюсь в записи матери Элис. Большая часть – это просто какие-то небольшие события. Даже не каждый день.

В дневнике последние полгода жизни этой несчастной женщины, которая крутилась изо всех сил, пыталась сохранить себя и семью, но внутренне уже была раздавлена. Крауг не поднимал руку ни на нее, ни на Элис, он не требовал исполнения супружеского долга и не изменял открыто.

Но он играл. Сначала просто играл и спускал деньги. Потом начал пить. Его круг общения замкнулся на таких же азартных людях, как он, и тех, кто использовал их. Вторых, конечно, было мало, но именно они и приносили больше всего проблем.

Они давали возможность отыграться, но в итоге сдирали еще больше. Крауг так попался как минимум дважды. И это сильно ударило по и так шаткому положению семьи Торн.

Однажды один из кредиторов отчима даже предложил вернуть ему долг… отдав саму Элис.

“Я сегодня впервые готова была убить. Вальтер рассказал об этом “выгодном” предложении, когда я измельчала шип для экстракции. Чудо, что мой нож не оказался в его животе… Да простит меня Хранительница!

Элис… Моя Элис. Как же я боюсь за нее. Надо найти ей хорошего мужа и побыстрее отправить ее подальше. Только б мне здоровья хватило!”

У меня просто глаза на лоб лезут. Этому хмырю еще на такое наглости хватило? Какая же сволочь, этот Крауг! Вот прямо сейчас хочется взять какую-нибудь из медных сковородок Марты и пойти отомстить отчиму Элис.

Я даже ненадолго закрываю дневник, чтобы справиться с возмущением. Отвлекаюсь на то, чтобы подкинуть полено в камин, представляя, что это черная душа Крауга.

Откуда-то сверху доносится шуршание и звук, как будто кто-то по камню ногтями проводит. Даже вздрагиваю от неожиданности: может, птица случайно в дымоход залетела? Хотя что ей там делать?

Прислушиваюсь. Ничего, только потрескивание полена.

Постепенно от записи к записи почерк меняется. Сначала ровный, профессиональный, затем – дрожащий, с сильным нажимом, будто бедной женщине больно держать перо. А между строк появляется все больше отчаяния.

“Надо бы обучить Элис. Чтобы она могла уехать в город, если меня не станет. Она сможет пойти хотя бы в помощники к аптекарю.

Но где мне найти на это силы? Приступы участились. Сердце колотится где-то у горла, потом замирает”.

Элис сама толком не помнила, что было с матерью. Да, болела. Но чем и как? Просто как будто медленно угасала. А Элис была совсем оранжерейным цветком, который оберегали.

Хотя вон даже в промерзшей оранжерее что-то выжило. Думаю, и Элис бы справилась, если бы ей просто помогли.

“Сегодня даже подняться в спальню получилось с трудом. Задыхаюсь. Сама приготовила настойку из ландыша и боярышника, но она не помогает. Такое чувство, что тело перестало реагировать на привычные дозы. Придется увеличить концентрацию”.

Мать все же пыталась сама как-то справиться: она списывала все на плохую наследственность – у дядьки было слабое сердце. Надо будет в ее журнале поискать записи, что именно она себе готовила.

Закрываю дневник, убираю его под матрас и взбиваю себе подушку. Бродяги так и нет, хотя я думала, он вернется ко мне к вечеру – с ним все же теплее спать, хотя он и храпит.

Дела у него. Стоп. Меня словно осеняет, что у него могут быть за дела. И эта догадка мне не нравится!

Одновременно с моим озарением в стене с камином раздается новый шорох, а за ним – глухой, но очень выразительный звук. Словно мешок с картошкой рухнул на пол.

Финальным триумфальным аккордом оказывается грохот каминной решетки и громкое, раскатистое: “Апчхи!”

И тишина. Я должна заметить, она пугает больше, чем скрежет в дымоходе, потому что Бродяга – а у меня уже не осталось никаких сомнений, что это он, – приземлился в камине шадхара.

Секунда на осознание – и меня подкидывает с кровати, как пружиной.

– О, нет! – выдыхаю я, на ходу всовывая ноги в туфли и хватая со столика лампу.

Я вылетаю в коридор, даже не накинув шаль поверх ночной сорочки.

– Шадхар! Откройте! – барабаню я кулаком по дереву. – Это… это вопрос жизни и смерти! Вашей или енота – я еще не решила!

На мгновение мне даже кажется, что я не успела, и… все. Но потом замок щелкает, и дверь медленно, со скрипом открывается. Передо мной картина, достойная кисти художника: каминная решетка валяется на полу, кочерга отлетела в угол.

А посреди комнаты свет моего фонаря выхватывает из темноты две фигуры, и я не знаю, какая из них притягивает мой взгляд сильнее. Енот, почти сливающийся с черным облаком пыли, от которого пахнет копотью, гарью и мокрой шерстью. Только глаза отражают свет эфиролитовой лампы.

Или Кайан…

В расстегнутой рубашке, снова босой, с растрепанными волосами, а на его лице… На его идеальном, аристократично бледном лице, прямо поперек лба и переносицы, красуется жирная полоса сажи. От него исходит резкий, терпкий запах адреналина и гнева, который перебивает даже запах гари. А в глазах плещется смесь боли, едва сдерживаемой ярости и… чего-то еще, когда он окидывает меня взглядом с головы до ног.

Точно. Я же в сорочке. К счастью, плотной.

Если енота превратят в воротник – он виноват сам, но я хотя бы попытаюсь.

– Апчхи! – снова выдает Бродяга и виновато прикрывает нос лапами.

– Решили? – вкрадчиво переспрашивает шадхар.

Голос у него тихий, чуть хриплый, отзывающийся вибрацией в теле и отвлекающий все мысли на себя. Кайан прислоняется спиной к столбику кровати, как будто ему тяжело стоять. Но весь его вид просто кричит о том, что “он сильный и контролирует ситуацию”. Что-то ведь не то…

– Что? – переспрашиваю я.

– Вопрос чьей жизни перед нами стоит, – отвечает он.

– Да ладно, отпустите его. Вы же видите, он сам пострадал от своих действий. Может, хотя бы он задумается, что стоит делать, а что – нет, – я улыбаюсь шадхару и перевожу взгляд на енота: – Бродяга, ты идиот.

– Я?! Идиот! – возмущается зверек, всплескивая лапами и раскидывая по сторонам сажу. – Я законный жилец! Я пришел возвращать свою собственность!

– Какую собственность? – усмехается Кайан, глядя на чумазое чудовище. – Камин?

– Комнату! И постель! – тычет черным пальцем в сторону кровати Бродяга. – Я тут первый был, а ты меня выгнал!

Шадхар отталкивается от столбика и делает предупрежающий шаг к еноту.

– Бродяга! Ты с дуба рухнул? – шикаю я на наглого зверька.

– А что я? – продолжает с праведным гневом в голосе енот. – Он же поставил защиту на дверь. И даже на окно! Мне оставалась только крыша.

Кайан прикрывает глаза, трет пальцами переносицу и шумно выдыхает сквозь зубы.

– Неара Торн, заберите уже своего мохнатого идиота и покиньте мою комнату, – тихо, с нотой усталости произносит он. – Иначе я вынесу ему приговор за нападение на шадхара на службе и сразу же приведу его в исполнение.

Енот аж закашливается:

– Я не нападал! – он пятится к камину. – Я… застрял! Вообще у вас тут дымоходы забитые! Вот!

Он лапками нащупывает что-то на полу и торжественно поднимает вверх кулек. Грязная обмотанная вокруг этого “чего-то” тряпка сползает, и оттуда появляется слабый сиреневатый свет. И вместе с эти в воздух врывается новый, совершенно чужеродный запах – сладковатый, как запах старинных чернил, и резко-свежий озона.

Шадхар меняется мгновенно. Во всем его теле появляется напряжение хищника, готового кинуться на жертву.

– Что это? – медленно, с физически ощутимой угрозой произносит он.

– Там был выступающий кирпичик, – отвечает Бродяга. – Из-за него я не мог пролезть. Я подковырнул когтем, он и вывалился. Я следом за ним…

Бормотание енота становится все тише, когда он сам смотрит на кулек и понимает, что у него в лапе.

Эфиролиты.

Глава 16

Время застывает. В груди разливается холодная пустота – только сейчас доходит, чем это всё может мне грозить. Бродяга, учуяв перемену, бросает эфиролиты. Камни с глухим стуком катятся по полу, а пушистый диверсант уже вжимается в мои лодыжки. В расширенных зрачках Кайана сиреневый свет кристаллов тонет, как в двух бездонных колодцах.

На лице шадхара появляется ледяная маска ищейки, идущей по следу. Только инстинкт, только цель. Любыми способами.

Он переводит взгляд с эфиролитов на меня, и я от неожиданности делаю шаг назад. Спина упирается в холодное дерево косяка, Бродяга прижимается к моим ногам.

Горло перехватывает спазмом, но я заставляю себя дышать ровнее.

Бежать? Глупо. С ним, как с хищником, нельзя показывать страх. Только получится ли у меня?

– Эфиролиты, – произносит вслух шадхар, его голос низкий, хриплый. – Дикие.

Он делает всего два шага ко мне, но оказывается слишком близко. Я вижу, как пульсирует жила на его шее, как сжимаются кулаки. Вижу ободок вокруг его зрачка, который сейчас полыхает серебром.

Пальцы, вцепившиеся в ножку лампы, немеют и становятся чужими.

– В камине. Моей комнаты. Вы хоть понимаете, что это может значить для вас, неара Торн?

Понимаю, но очень смутно. Но и сдаваться я не собираюсь.

– Если бы я знала, что они там есть, – произношу я, но голос предательски дрожит, – разве позволила бы этому пушистому недоразумению соваться туда?

Еще один шаг, и я понимаю, что моя сорочка слишком тонкая. Я всей кожей чувствую холод в комнате и жар тела Кайана. Вижу каждую капельку пота на его ключицах, каждую крупицу сажи на обнаженной груди. В нос бьет его запах – терпкая хвоя и резкий, острый привкус металла.

Кайан останавливается почти вплотную ко мне, поднимает руку и всего лишь щелкает пальцами, а камни оказываются в его ладони. Его лицо на миг искажает судорога, губы плотно сжимаются.

Я вижу, как боль от контакта с диким эфиром волной проходит по его телу, но он лишь сильнее впивается пальцами в кристаллы, загоняя стон внутрь. Успеваю даже восхититься его железной волей.

– Глупость вашего питомца, конечно, не знает границ, – произносит Кайан, чуть склоняясь ко мне так, что теперь его дыхание обжигает мою кожу. – Но это же вы были против того, чтобы я ночевал в этой комнате. Не из-за этого ли подарка в камине?

– Не поэтому, – отвечаю я, не отстраняясь, не отводя взгляда. Прямо нос к носу с шадхаром. – Всего лишь хотела, чтобы вы спали в более-менее обжитой комнате.

– Вы пахнете страхом, – произносит он. – И… летними луговыми травами.

На его висках испарина, а под глазами даже в скудном освещении заметны тени. Он мне угрожает, он меня обвиняет, но…

– Шадхар, у вас болит голова? – вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Кайан резко отстраняется, словно я попала в его уязвимое место. Значит, точно болит. И это его мучает.

– Эфиролиты были найдены в вашем дымоходе, – он отходит к камину, поднимает ткань и снова обматывает ею камни. – Да еще и в экранирующей материи: не удивительно, что я их не почувствовал. По закону – это ваша ответственность. Но, я если я приобщу это к делу, оправдаться вам будет очень сложно.

Этим он как будто ставит меня на самый край пропасти, и только от него зависит, упаду ли я в нее.

Кайан больше не смотрит на меня. Он стягивает с себя рубашку, обнажая идеальный рельеф спины, и швыряет ее на спинку кресла.

– Вон отсюда, неара Торн! Оба. И если этот мохнатый диверсант еще раз приблизится к моей комнате, я сделаю из него чучело. Без предупреждения.

Я хватаю Бродягу за шкирку – вымажусь от него только так. Спешно выхожу из комнаты. И только уже в дверях, чувствуя безопасность порога, бросаю через плечо:

– Спокойной ночи, шадхар! Надеюсь, теперь вам будет спаться… спокойнее. И… вытрите лицо. Вы похожи на трубочиста.

Дверь захлопывается перед моим носом с сухим магическим щелчком. И я так и не понимаю, за кем осталось последнее слово.

– Эй, мне так не нравится! – верещит енот, пытаясь вырваться из моей хватки.

Наверное, он мог бы и магически это сделать: просто исчезнуть – и все. Но, похоже, совесть не позволяет. Если она у него, конечно, есть.

– А мне не нравится, когда меня подставляют, – цежу я, закрывая дверь в свою комнату. – Какого… Зачем ты туда полез, Бродяга?

Расцепляю пальцы, и упитанное тело енота шлепается на пол. Он обиженно трет ушибленное место:

– Я отстаиваю свое! – ворчит зверек.

– Ты не отстаиваешь, ты нарываешься, меховое недоразумение!

У меня внутри все кипит от возмущения, и в то же время начинает накатывать слабость после всплеска адреналина. Енот медленно перемещается к кровати, зная, что я не в том настроении, чтобы с радостью его там приютить.

– Даже не вздумай! – останавливаю его и едва удерживаюсь от того, чтобы не поймать за хвост. – Пока не отмоешься, чтобы даже не думал приближаться к моей постели.

Я вздыхаю, все же стаскиваю со спинки кровати свою шаль и, крепко завязав ее на себе, добываю в кухне тазик и кувшин с водой. Ставлю его у камина – все же там теплее будет, вода и так не кипяток. Сама ложусь спать – с меня достаточно приключений и нервотрепки.

Утро встречает солнечными лучами, пробивающимися сквозь щели между ставнями, и теплом енота в ногах. Зверек спит, зарывшись в одеяла с головой, и только кончик полосатого хвоста торчит наружу. Все же ему хватило мозгов и совести не забираться в кровать грязным или мокрым. Но я все равно на него обижена.

Камин давно погас, даже угли почти не тлеют, поэтому вылезать из-под одеял не спешу. Даю себе несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

Эфиролиты в камине. В специальной материи. Значит, не просто так прятались – с гарантией, чтобы не нашли даже арканы, которые магию за версту учуять могут. А значит, это не для того, чтобы подставить меня. Отчим хотел сохранить их для себя.

Это его доля с контрабанды, или он своровал? Тогда не удивительно, что Крауг так рвался в поместье. А у меня могут быть дополнительные проблемы еще и с тем, кто участвует в схеме контрабанды. Черт.

Заставляю себя встать, за что получаю недовольный взгляд енота. Игнорирую – из-за него я вообще полночи не спала. Быстро умываюсь оставшейся ледяной водой из кувшина – бодрит лучше любого кофе – и натягиваю свое рабочее платье. Шерсть колется, зато греет.

На кухне уже кипит жизнь. Причем в прямом смысле: в котле что-то булькает, на плите в сковороде что-то шкварчит, пахнет тушеной капустой и какой-то кашей.

Марта сидит за столом и чистит картофель. Она выглядит уставшей, видно, что рукой двигать больно, но и экономка – не неженка: морщится, но упорно продолжает. Хорошо, что наложили повязку, а то бы терлось сейчас о шерсть платья, пузыри бы гарантированно лопнули.

– Доброе утро! – я вхожу и присаживаюсь рядом. – Как рука?

– Терпимо, Элис. Благодаря вам, – мы договорились, что она продолжит так обращаться ко мне. – Жжет меньше.

– Давай посмотрю.

Я забираю нож из руки Марты и расстегиваю манжет, аккуратно закатывая рукав. Экономка не сопротивляется, доверяет. И это радует.

Она смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

– Вы делаете все так уверенно… Словно всю жизнь этим занимались.

Пожимаю плечами и с улыбкой смотрю на экономку.

– Не совсем. Но кое-что в этом соображаю.

Возвращаюсь к руке Марты. Повязка на месте. Я приподнимаю край, заглядывая под нее. Воспаления нет, волдыри опали, не лопнув. Отлично.

– Сегодня постараюсь сделать мазь из ледяного шипа, – говорю я. – Это должно облегчить боль и ускорить заживление. А сейчас я тебе помогу. Возражения не принимаются!

Я беру холодную влажную картофелину. Земля забивается под ногти, вода из миски леденит пальцы, но это незатейливое дело успокаивает. Монотонный хруст срезаемой кожуры, плеск воды, запах сырой земли.

– Шадхар уже позавтракал? – спрашиваю я, стараясь сделать вид, будто просто интересуюсь.

– Он встал еще до рассвета и ушел, – отвечает Марта.

– Не сказал, когда вернется?

Последняя картофелина с бульканьем улетает в миску, и я отхожу к раковине мыть руки. Экономка качает головой, а я позволяю себе понадеяться, что шадхар решит погулять подольше.

В кухню через вторую дверь вваливается Бенджи с охапкой дров. От него пахнет морозом, свежими опилками и рабочим потом.

– О, неара Элис! – он как будто немного смущается, даже краснеет – или, может, это из-за мороза? – и сгружает дрова у входа в специальный короб.

– Доброе утро, Бенджи! – отвечаю ему с улыбкой. – Мне сегодня будет очень нужна твоя помощь.

– Я готов! Хоть горы двигать! – парень отряхивает щепки с куртки.

Потом мнется у порога, стаскивает с себя шапку, засовывая в карман. А потом делает три огромных шага ко мне и лезет рукой за шиворот, доставая оттуда красивый красный цветок с серебристыми прожилками. Он протягивает его мне с такой надеждой и искренностью в глазах, что я не могу не взять.

Когда наши пальцы случайно соприкасаются, он краснеет пуще прежнего. И именно в этот момент открывается дверь, и в кухню входит шадхар.

Глава 17

Вместе с Кайаном в кухню словно врывается зимний сквозняк – колючий, пахнущий хвоей и мокрой корой. От него веет таким холодом, что кажется, будто это сам шадхар – воплощение севера, хотя я слишком хорошо помню, насколько он на самом деле горячий. И я сейчас всего лишь про температуру тела.

Марта беззвучно тяжело вздыхает и качает головой, помешивая щипящую на сковороде зажарку.

Бенджи вздрагивает, замирает и нервно сглатывает, замечая, как на него смотрит Кайан. Недобро. Тяжело. Рука парня с цветком застывает в воздухе.

Шадхар тоже не двигается и молчит. Да ему и не надо, потому что его поза – хищный наклон головы, ледяной блеск глаз исподлобья – говорит гораздо больше, чем могли бы сказать слова.

Его взгляд проходится по моей руке, по зажатому в ней цветку и наконец останавливается на лице Бенджи. Парнишка бледнеет.

Да что себе этот шадхар вообще позволяет? Если у него со вчерашнего дня не прошла голова, это не повод выжигать здесь всё живое.

Я еще шире улыбаюсь Бенджи, забираю цветок и аккуратно булавкой прикалываю его к платью. Вчера мне попалось описание этого цветка – морозник. Он может почти неделю оставаться неизменным даже после того, как его сорвали. В воду ставить не обязательно.

– Спасибо, Бенджи, очень мило, – намеренно мягко произношу. – Я закончила, ты освободился?

С парня словно слетает наваждение, он снова расплывается в улыбке, хотя в глазах все еще плещется испуг, и кивает мне.

– Да-да! Я готов! – бормочет он. – Чтоб тут не топтать, я через улицу пройду.

Он уже разворачивается к выходу, но голос Кайана останавливает его, как невидимая стена.

– Не пройдешь, – коротко. Жестко. Приказным тоном. – Ты пойдешь чистить снег на подъездной дорожке. Ждем посетителей. А потом вычистишь конюшню.

– Но… неаре… – парень переводит на меня растерянный взгляд, полный разочарования.

– Неара справится, – отрывисто бросает шадхар. В его голосе слышится тихий рокот, почти рычание. – Свободен.

Едва заметный наклон головы Кайана, и парень, пробормотав что-то невнятное, буквально выскальзывает из кухни. Марта откашливается и в воцарившейся тишине начинает нарочито громко греметь крышкой чайника, стараясь разогнать это густое напряжение.

– Господин шадхар, чаю?

Кайан, не отрывавший взгляд от двери, пока она не захлопнулась, наконец отмирает. Он кивает Марте и проходит к столу, устраиваясь напротив меня.

Я же демонстративно встаю, не сводя глаз с Кайана. Нужно признать, головная боль действительно оставила свой след. Складка между бровей стала глубже, под глазами залегли тени.

Даже волосы лежат в беспорядке, который его совсем не портит, и это бесит еще сильнее. Понятно, зачем он ходил на улицу – пытался выморозить эту боль.

Вот и мне сейчас нужно на свежий воздух. Или хотя бы в другое помещение, пока я не сказала что-то не то.

– Что-то здесь стало как-то… душно, – произношу я, не глядя на Кайана. – Пожалуй, пойду пройдусь.

Шадхар поднимает на меня глаза.

– Смотрите не заблудитесь, – говорит он. – Мне не хотелось бы запирать вас в комнате.

– Не портьте себе завтрак, господин шадхар. Я помню условия, – холодно отзываюсь я, проходя мимо него. – Арестантские.

Кайан медленно подносит чашку к губам. Ни один мускул на его лице не дрогнул, в глазах – ни намека на эмоции, только расчетливый холод. Он игнорирует мою шпильку.

– Это не арест, неара Торн. Это меры предосторожности, – его голос звучит пугающе ровно. – Учитывая вчерашнюю находку в моем камине, я бы на вашем месте проявлял больше благодарности за то, что вы все еще можете свободно передвигаться по дому, а не сидите в подвале под замком.

Сжимаю кулаки и медленно считаю до десяти. Нет, он не увидит, как я бешусь.

– Я ценю вашу… снисходительность, – медленно произношу я, натянув улыбку. – Но сейчас мне нужно в лабораторию. У Марты болит рука, и если я не сделаю мазь, готовить для вас и ваших гостей будет некому. А я, как вы помните, умею только яичницу, и ту – по праздникам.

Марта прячет усмешку, отворачиваясь к плите. Она знает, что я блефую, но Кайану об этом знать необязательно. Но я постараюсь воплотить свою угрозу в жизнь, если Кайан не перестанет вести себя как… Ар!

Я уже почти выхожу, когда слышу скрип ножек стула по полу.

– Я иду с вами, – это не предложение. Это факт.

– Боитесь, что я украду пробирки? – не оборачиваясь, бросаю я.

– Боюсь, что там из камина тоже вывалится один невоспитанный енот, – усмехается он. – С сюрпризами.

К счастью, шадхар решает не ходить за мной, а остается в кабинете, как и вчера, размещаясь за рабочим столом отца Элис. Я почти бегу в лабораторию, кожей чувствуя его присутствие за стеной.

Солнечный день за окном немного преображает кабинет – он уже не кажется таким мрачным и запущенным, как вчера. Да и в лабораторию немного попадают лучи. Становится заметнее, как клубится в воздухе пыль. Но я все равно зажигаю эфиролитовую лампу, делая ее достаточно яркой, чтобы было проще.

С легким хлопком на уже знакомой верхней полке возникает Бродяга. Я бросаю на него недовольный взгляд – я все еще не забыла его ночную выходку – и приступаю к разбору завалов.

Хочется объявить войну шадхару, но пока получается только пыли и грязи в моей лаборатории. И да! Я намерена и дальше ее называть своей, потому что именно она будет моим полем битвы за независимость и выживание.

Бродяга видит мой боевой настрой, пытается слиться с интерьером – однако же не сбегает, хулиган! – и прячет свои маленькие черные глазки. Не угадал!

Я закатываю рукава, подвязываю юбку, чтобы не мела пол, и берусь за тряпку.

– Бродяга! – зову его я. – Ты у нас кто?

– Я? – он, кажется, обалдевает от вопроса.

– Ты! – киваю я, доставая из-под металлической раковины в углу ведро и тряпки. – Ты енот. Значит, полоскун. Поэтому тряпку в лапы и вперед протирать верхние полки, раз уж ты там засел.

– Кто? Я? – еще больше удивляется Бродяга.

– Ты, – киваю я. – Ты же хочешь заслужить прощение?

Он понимает серьезность моих намерений, заметно скисает, но материализуется рядом со мной и берет у меня из рук тряпку.

– И это было правильное решение, – глажу его по жесткой шерстке на голове. – Только умоляю, ничего не роняй!

– Я сама грация! – фыркает Бродяга, материализуясь на шкафу.

Он тут же чихает, поднимая такое облако серой пыли, что мне приходится закрыть нос локтем.

Кайан в этот раз достает какие-то документы с верхней полки шкафа. Он берет папки и пересматривает содержимое, сортируя их по какой-то одному ему известной логике.

Но стоит мне отвернуться и начать что-то делать, мне все время кажется, что за мной следят. Я чувствую затылком его взгляд, мурашками, бегущими вдоль позвоночника. Однако каждый раз, когда я резко оборачиваюсь, чтобы убедиться в том, что чувства меня не обманывают, шадхар погружен в изучение документов.

Это, надо признаться, раздражает. Но если я что-то скажу, эта ледышка же сделает вид, что у меня с головой не в порядке. Или я слишком сильно хочу привлечь его внимание. Вывернет все в свою пользу.

Я выбираю один стол и в первую очередь привожу в порядок его, тщательно вымываю до чистой воды, а потом насухо протираю каменную столешницу. Среди посуды нахожу хороший стакан, тоже отмываю до блеска.

Теперь подготовка к моему первому препарату в этом мире. Мазь для Марты. В идеале бы сделать гелеобразную структуру, чтобы получше действовало. Но пока что сосредоточимся на базе.

Я забираю из кабинета горшок с ледяным шипом, по пути незаметно показывая Кайану язык.

Цветок – жалкое зрелище, как бы сказал ослик из известного произведения. Пару мясистых листьев я, конечно, нахожу. Окидываю взглядом инструменты и понимаю, что толкового скальпеля я тут не найду. Придется просить Бенджи подточить.

Просто отламываю лист. В нос тут же бьет острый, морозный аромат, напоминающий перечную мяту, смешанную с запахом свежескошенной травы после грозы. Сок – то, что надо, он гелеобразной структуры, а значит, не будет быстро высыхать. Это продлит время действия.

Ставлю лист в стакан – если растение аналогично алоэ, то надо сначала дать стечь смоле, которая может раздражать кожу. Как раз к тому времени приберусь тут.

Обновляю воду и с еще большим энтузиазмом берусь за борьбу с грязью и пылью.

– Ой! – сверху доносится писк, и мне на голову планирует сушеный пучок какой-то травы.

– Бродяга! – ворчу я и мотаю головой, стряхивая труху с волос.

– Оно само! – оправдывается енот, свешиваясь вниз головой. – Там паук был! Огромный! С меня ростом!

– Ух ты, какой! Арканов не боишься, а паука испугался? – подкалываю его я.

Со стороны кабинета доносится подозрительный звук, похожий на сдавленный смешок. Ага, все-таки подслушивает!

Я вытираю, переставляю, рассматриваю, оцениваю… Мысленно провожу инвентаризацию, чтобы понять, что у меня есть в распоряжении. Посуду стаскиваю к раковине, чтобы хорошо промыть. Нужно будет сконструировать простейшую сушилку, что-то у мамы Элис я не наблюдаю ничего подходящего.

Баночки с веществами выставляю на отдельном столе. На части надписи на этикетках расплылись. Если сама не распознаю, придется выбросить. Тут же выкладываю жестяные коробочки с сушеными травами – снова придется лезть в определитель.

Но в общем все не так плохо, как показалось на первый взгляд.

Хотя вопросики тоже имеются: я беру мутную бутыль со спиртом. Осадок на дне такой, что ложка стоять будет. Мама Элис использовала его так? Кошмар. Это же загрязняет конечный продукт, дает побочные эффекты.

Фильтр. Перегонный куб. Дефлегматор и дробная перегонка… Это может повысить качество финальных продуктов, делать более точные концентрации и стать тем, что выгодно отличает мой товар от других. Надо хорошенечко над этим подумать.

А пока – передвинуть шкаф из угла ближе к выходу, чтобы на то место перетащить как раз перегонный куб. И мыть удобнее будет.

Поминаю шадхара недобрым словом и посылаю ему язвительный взгляд. И как раз в этот раз он отрывается от бумаг и выразительно поднимает бровь, как будто мысленно задавая вопрос: “Чем обязан?”

Чем-чем? Отправил бедного Бенджи морозиться, а мне шкаф самой двигать. Ни за что Кайана просить не буду. Сама справлюсь.

– Ну же… – я упираюсь ногами в неровный пол и налегаю на боковую панель всем весом.

Шкаф издает натужный скрип. Поддается на пару сантиметров. Я, воодушевленная успехом, толкаю сильнее, меняя угол упора. И тут происходит то, чего я не учла: одна из задних ножек, подточенная временем, с сухим хрустом ломается.

Огромная махина теряет равновесие.

Я вижу, как шкаф, словно в замедленной съемке, начинает падать прямо на меня. В голове проносится идиотская мысль о том, что в этом мире на меня все время что-то сваливается. Я зажмуриваюсь, инстинктивно выставляя руки вперед, будто это может меня спасти.

Удар сердца. Второй. Но вместо боли меня окутывает волна жара. Резкий рывок, от которого перехватывает дыхание, и я оказываюсь вжатой во что-то твердое и горячее.

И снова эта обезоруживающая горечь дыма с кислинкой хвои. И, черт возьми, она меня успокаивает!

Только теперь до меня доносится треск дерева. Но даже грохота нет.

Мир концентрируется в ледяных синих глазах с вертикальным, пульсирующим зрачком, находящихся в опасной близости от моего лица. Кайан держит меня одной рукой, прижимая к себе так крепко, что я чувствую, как бешено колотится его сердце. Или это мое?

Второй рукой он… ох… он просто держит падающий шкаф.

Глава 18

У меня дежавю. Почти точно так же шадхар спас меня от падающего с крыши оранжереи стекла. Так же прижимал к себе, защищая от падающих осколков. И все бы ничего, только потом он запретил мне заходить в оранжерею. Черт…

По лицу шадхара практически не понять его эмоций. Каменная маска. Но взгляд, напряжение! И вовсе не оттого, что Кайан держит тяжеленный шкаф из цельного дерева, нет. Его шадхар держит с такой небрежной легкостью, словно это пустая картонная коробка.

Аркан едва сдерживает волнение и злость. Его взгляд скользит по моему лицу, проверяя цела ли я. И только убедившись, что на мне ни царапины, шадхар медленно цедит сквозь зубы:

– Вы. Совсем. Лишились. Рассудка?

От вибрации его грудной клетки мое тело пробивает дрожь.

– Мне просто нужно было передвинуть шкаф, – выдыхаю я, глядя на его губы, которые сейчас искривлены в злой усмешке.

Мои ладони все еще упираются в его грудь, и я сама понять не могу – хочу я его сейчас оттолкнуть или, наоборот, найти опору. Выбираю первое, но Кайан игнорирует мои усилия и медленно, очень медленно сокращает дистанцию, пока его лицо не оказывается в паре сантиметров от моего.

– У вас удивительная способность находить опасности там, где их просто не может быть, – его голос падает до опасного шепота. – В следующий раз, когда вам захочется самоубиться или что-то разрушить… делайте это под моим присмотром.

– Я и так все это время была под вашим присмотром, шадхар! – шиплю ему в лицо я.

В эту игру могут играть двое, так что я и не думаю отстраняться. Пусть не надеется, что меня легко смутить или запугать. Его зрачок продолжает пульсировать, а ноздри раздраженно раздуваются. Напряжение между нами густеет, становится почти осязаемым, искрит, как оголенный провод.

И в этот момент снизу, прямо из-под нависшего шкафа, раздается деловитое кряхтение.

– Ну, чего застыли? Ставьте уже! Тяжело же!

Мы с Кайаном одновременно удивленно хмуримся, синхронно опускаем взгляды.

Из-под шкафа, именно там, где подломилась ножка, торчит пушистая серая задница и полосатый хвост, который дрожит от натуги. Кажется, шадхар тихо рычит, а я думаю, как бы прямо сейчас не заржать в голос.

Бродяга уперся лапами в пол, спиной в днище шкафа и, кажется, искренне верит, что это он держит всю конструкцию.

– Давайте уже ремонтируйте шкаф! Спасайте меня! Я сейчас грыжу заработаю! – глухо верещит енот из-под шкафа. – А вы обнимаетесь! Бессовестные!

Кайан выдыхает сквозь зубы и отпускает меня. Без его жара мне тут же становится неуютно. Но я делаю еще несколько шагов прочь, упираясь спиной в каменную столешницу – только бы подальше от шадхара.

Кайан легко, одним движением, ставит шкаф на место – правда, тот все равно кренится на сломанный угол.

– Брысь оттуда, герой! – командует шадхар еноту.

Бродяга пулей вылетает из-под шкафа, отряхиваясь и чихая. В лапах он сжимает отломившуюся ножку.

– Это диверсия! – заявляет он, тыча деревяшкой в мою сторону. – Злодеи наверняка подпилили ножку специально, чтобы навредить хозяйке!

Кайан медленно поворачивается к еноту, щелкает пальцами, и ножка оказывается в его ладони, прямо как накануне – эфиролиты.

– Это твоя хозяйка любит создавать себе проблемы на ровном месте, пытаясь одолеть мебель вдвое старше нее и раз в пять тяжелее, – констатирует шадхар. – Время – вот что, как ты выразился, “подпилило” ножку.

Аркан, все еще удерживая рукой шкаф, наклоняется и приставляет отломанную часть на должное место. С пальцев срываются голубоватые нити, оплетают дерево, проникают в структуру. Раздается тихий треск, и шкаф выравнивается, словно ножка никогда и не ломалась.

Мне, конечно, хочется сказать “мне бы такую магию”, но я успеваю заметить, как по лицу Кайана пробегает болезненная судорога. Он только делает вид, что это ему все легко дается. На самом деле, похоже, магия причиняет ему боль. Но… почему?

Хотя что я знаю о магии в этом мире? Только то, что прочитала в книгах Элис. Но она сама никогда не видела настоящих арканов, а все, что известно о их магии, могло быть досужими домыслами.

Или нет.

– Куда вы передвигали шкаф?

Вопрос резко вырывает меня из мысленных рассуждений, а вид, который предстает передо мной, шокирует еще больше: Кайан закатывает рукава рубашки, обнажая сильные предплечья, перевитые тугими канатами мышц.

Он что, решил мне помочь?

– Элис, вы решили сегодня больше не работать? – в голосе Кайана звучит язвительная усмешка.

Хочется сказать что-то вредное, огрызнуться, но я, кажется, все еще не отошла от всплеска адреналина. И медленно соображаю.

На лице Кайана написан решительный настрой действительно помочь мне. Он собирается сделать это сам. Судя по закатанным рукавам, без магии.

Что это? Угрызения совести, что он отправил Бенджи чистить снег, и из-за этого мне самой пришлось мучиться с тяжелой мебелью? Или просто стало скучно?

– Шкаф нужно ближе к выходу, – я указываю пальцем на расчищенное место у самой арки. – А перегонный куб поставить, наоборот, в угол. Но… вы же главный шадхар. Вам не положено двигать мебель.

Мне кажется, у Кайана дергается щека при упоминании его должности. Но он снова надевает маску “именно, что я шадхар, поэтому что хочу, то и делаю”.

– Считайте, что вы просто поразили меня своим умением притягивать неприятности, – отрезает он, подходя к шкафу с другой стороны. – Думаю, еще одно подобное происшествие, и я точно запру вас в комнате.

Сдвигает он шкаф так же легко и быстро, как удерживал. Единственное, что выдает то, что шадхару все же приходится поработать – это то, как напрягаются мышцы под тонкой тканью рубашки. Я даже успеваю восхититься мощью его тренированного тела.

А потом ловлю себя на мысли, что пялюсь на шадхара, как будто никогда мужиков не видела. Нет, конечно, таких точно не видела. Но это же не повод подтверждать его убеждения, что я – как это он сказал? – “романтичная особа, в голове которой только дамские романы о любви”.

– Так? – спрашивает Кайан, с глухим стуком опуская шкаф на новом месте.

Шадхар отряхивает ладони, и на его губах играет тень самодовольной усмешки.

Я киваю, и аркан без лишних вопросов берется за перегонный куб.

Работа спорится. Я тоже возвращаюсь к уборке.

То, что происходит и как это происходит, кажется чем-то странным. И в то же время мне на удивление комфортно. Мы, словно не сговариваясь, делим обязанности: я работаю тряпкой,

грозный шадхар передвигает и даже меняет воду в ведре. Я разбираю баночки и коробочки, он достает то, до чего у меня не получается дотянуться.

Енот делает вид, что занят больше всех. Он ворчит, чихает, машет своей тряпкой и постоянно что-то скидывает с верха шкафов. Но и этому я рада – туда бы я точно не залезла. Даже с помощью шадхара.

Наконец наступает момент, когда все рабочие поверхности достаточно чисты, все реактивы составлены в одно место, чтобы я могла потом сделать опись, а вся раковина завалена посудой, которую надо мыть.

Но сейчас у меня на это ни времени, ни сил. Поэтому я отмываю только то, что мне может понадобиться, и раскладываю перед собой, чтобы приготовить гель для Марты.

Кайан не уходит. Он прислоняется бедром к чистому столу и скрещивает руки на груди, наблюдая. Снова он за свое!

– Бродяга, подай скальпель, – прошу я.

Енот, сгорая от любопытства, подбирается ближе и протягивает мне инструмент. Я достаю лист, из которого как раз должен был стечь уже весь едкий сок, и пытаюсь сделать надрез вдоль мясистого листа.

Еще бы у меня это получилось: совсем забыла, что скальпель тупой. Кожица плотная, сопротивляется, и я, скорее, мну лист. Рассеянно начинаю осматриваться. А шадхар наклоняется и достает из сапога стилет – маленький узкий ножичек.

– Думаю, это должно вам помочь, – произносит он.

Ожидаю от него очередное едкое замечание, но Кайан действительно с интересом следит за моими действиями.

– Только потом вымойте. Я не люблю, когда мое оружие пахнет сорняками.

Хотя нет… Удержаться от комментария шадхар не может. Но я ловлю себя на мысли, что мне это нравится.

– Это ледяной шип, а не сорняк, – поправляю я, рассекая кожицу. – И он может помочь Марте.

Я покачиваю стилет в одну, в другую сторону, а потом все же окунаю его в то подобие спирта, что осталось от матери Элис.

– Добавите огонька, господин шадхар? – спрашиваю я, кивая на спиртовку.

Кайан хмыкает, но искру выбивает, и слабенький огонек начинает свой танец на фитиле. Я обжигаю стилет и немного даю ему остыть.

Лезвие легко входит в мякоть листа. Внутри, как я и ожидала, обнаруживается прозрачная, вязкая мякоть. Запах ментола и озона усиливается, заполняя пространство. Кажется, у меня даже немного немеет язык.

Аккуратно вычищаю сердцевину, чтобы наружный слой не попал в смесь, и выкладываю ее в ступку.

– Интересная техника, – замечает Кайан. – Обычно лекари просто перетирают лист целиком.

– И получают жжение вместо охлаждения, – отвечаю я, не отвлекаясь.

– Или полное онемение, – замечает шадхар. – Если принять сок шипа внутрь, можно и полностью лишиться чувствительности.

Да, я мельком просмотрела вчера информацию о ледяном шипе. Опасно.

– Не совсем так. Полное онемение появляется, если он попадет в кровь, например, через открытую рану. Но откуда вы знаете? – я бросаю на него быстрый взгляд. – Вы же военный, а не лекарь.

– Я знаю, как убивать и как не дать умереть своим людям, – холодно отвечает Кайан. – В полевых условиях ледяной шип используют как анестезию при операциях. Если нет ничего лучше.

Я нервно сглатываю и окидываю шадхара взглядом. Сложно сейчас абстрагироваться и представить этого мужчину на поле боя. Если честно, я даже думать не хочу, через что ему пришлось пройти.

Молча перекладываю прозрачную слизистую массу в ступку и начинаю толочь.

Кайан анализирует каждое мое движение. Следит.

– Вам не скучно, шадхар? – спрашиваю я, превращая мякоть в однородную массу.

– Напротив, очень интересно, почему у той, которая всю жизнь наблюдала, такие четкие движения, – парирует он. – Будь в моих руках пестик…

Я замираю, оглядывая выставленные пузырьки. Видела же.

– О, вот он! – произношу я вслух и протягиваю шадхару. – А вот еще одна ступка и еще один пестик. Зачем предполагать, когда можно попробовать, ведь так?

Кайан берет инструменты и хмуро смотрит на них.

– Что вы хотите?

– Это камедь, господин шадхар, – отвечаю я. – Насыпьте в ступку пару щепоток и добавьте две капли лавандового масла. Оно стоит справа от вас. И перетрите в однородную массу. Получится загуститель для мази.

Шадхар не спорит, он делает именно то, что я ему сказала, поэтому мне остается только чуть подогреть, а потом смешать.

Смесь на глазах густеет, превращаясь в приятное, полупрозрачное желе с голубоватым отливом. Я перекладываю его в чистую баночку с широким горлышком.

– Вот. Теперь препарат будет держаться на коже часами, создавая защитную пленку и обезболивая постоянно, а не пять минут, – торжественно заключаю я.

– Вы полны сюрпризов, неара Торн, – произносит шадхар, и мне чудится в его голосе даже восхищение.

– В женщине должна быть загадка, – пожимаю плечами.

– Да в вас не просто загадка, а сундук с секретами, – усмехается Кайан.

Он наклоняется чуть ближе ко мне, рука поднимается так, будто шадхар хочет меня коснуться. Но тут дверь кабинета открывается, и входит Марта.

– Шадхар Рад’Исент, – она делает легкий кивок головы. – К вам посетитель.

Глава 19

Когда Марта заходит в арку лаборатории, Кайан уже на расстоянии пары шагов от меня. Как будто не было этого момента, когда в его ледяных глазах что-то внезапно загорелось. Снова лед и строгость.

– Ну наконец-то! – себе под нос произносит шадхар. – Его только за палачом посылать.

Марта отступает в сторону, пропуская Кайана в холл. Она окидывает взглядом лабораторию и удивленно смотрит на меня:

– Я, конечно, предполагала, что вы решительная девушка, но чтобы так рьяно взяться за работу…

Марта качает головой.

– Она еще и аркана своего построила! – доносится сверху голос Бродяги.

– Он не мой! – огрызаюсь я, поднимая на него взгляд.

– А слушается тебя, как твой!

В этот раз в него летит тряпка, но енот успевает исчезнуть. Марта разводит руками и улыбается – похоже, к “мудрым” изречениям Бродяги уже успела привыкнуть.

– Вот, это тебе, – я протягиваю экономке баночку. – Нужно наносить на ожог. Это будет снимать боль и помогать заживлению. Тебе нужна помощь с перевязками?

– Нет, – Марта берет баночку и принюхивается. – Ледяной шип? Старый господин очень его любил. А вот госпожа считала почти бесполезным – расход большой, а толку чуть.

– Вот тут я с ней не согласна, Марта, – я хмурюсь и кручу в пальцах стилет, что оставил Кайан. – Если я смогу придумать нормальный консервант для сохранения, это будет дешевый и очень популярный гель. Вот увидишь.

– Да поможет вам Хранительница, – вздыхает экономка и кладет руку мне на плечо. – Я все больше убеждаюсь, что вас послали боги.

– Не знаю, – я пожимаю плечами. – Как по мне, то уж послали так послали…

Из холла доносится незнакомый, низкий, но очень насыщенный голос. Поэтому я не могу сдержать любопытства и выхожу посмотреть на посетителя нашего ледяного шадхара. И застываю на пороге кабинета, так и не успев выйти в холл.

Это мужчина – хотя с таким голосом я бы удивилась, если бы увидела женщину, – едва ли уступающий Кайану в росте. Широкоплечий, явно тренированный и сильный магически. Он стряхивает снег со своих высоких кожаных ботинок и подбитого мехом плаща.

Но взгляд цепляется не за дороговизну его одежды и не за пшеничное золото его волос.

Маска. Черная, матовая, словно поглощающая весь свет маска закрывает всю левую половину его лица, кроме глаза. Она плотно прилегает, словно вторая кожа, и уходит куда-то под волосы и вниз, к шее.

Выглядит жутковато, но весь эффект нивелирует моложавая, чуть хитрая улыбка.

– О, а это та самая юная преступница-неара? – гость переводит на меня взгляд своих ярких зеленых, как весенняя трава, глаз и делает шаг ко мне.

– Рейнар! – предупредительно рычит Кайан, но даже по голосу слышно, что это не просто знакомый шадхара. Это тот, кому дракон доверяет спину.

– А что “Рейнар”? Должен же я познакомиться с той, кто совершил кражу века, – хохочет гость, протягивая руку, затянутую в перчатку, к моим пальцам.

Я отступаю на шаг и напряженно смотрю на него: про какую кражу он вообще? Его губы растягиваются в еще более широкой улыбке, и, издав смешок, Рейнар уточняет:

– Вы украли у Совета Арканов самого главного шадхара. Боюсь, вам этого могут не простить, – он все же касается губами моих пальцев, но очень легко, просто выказывая уважение. – Рейнар де Вольф к вашим услугам.

– Прекращай паясничать! – осаживает его Кайан.

Эти двое как две стороны одной монеты: Кайан – холодный, собранный, а Рейнар – яркий, шумный.

Но когда я встречаюсь с ним взглядом, меня словно током бьет. В его глазах та же тьма, что и у Кайана. Боль, тяжесть, запрятанные глубоко. Только вот шадхар отгораживает ее ледяной стеной, а Рейнар – своим образом весельчака. Как маской – в прямом и переносном смысле.

– Неара Торн, – игнорирует рычание друга гость, – если этот сухарь вас обидит – только шепните, я вызову его на дуэль. Давно мечтаю надрать ему хвостатый зад.

– Рейнар! – теперь уже более грозный рык Кайана разрезает воздух.

– Я серьезно, – мужчина продолжает говорить со мной, специально выводя шадхара из себя. – Ты же здесь по долгу службы, а я – по зову сердца.

Я хмыкаю, едва сдерживая смешок, и решаю немного разрядить обстановку:

– Увы, ноар де Вольф! – развожу руками. – Я здесь тоже, можно сказать, по долгу службы. Подозреваемая, знаете ли.

Рейнар хохочет, запрокидывая голову.

– Подозреваемая? Коготь, ты теряешь хватку, – говорит он шадхару. – Ищешь преступника в невинной жертве.

– Иногда надо не только глазами смотреть, – парирует Кайан, подходя ближе и практически вставая между нами, – но и головой думать… Прежде чем что-то делаешь.

Рейнар поднимает свою единственную видимую бровь: кажется, он доволен и ответом, и тем, что видит. И вообще, он как раз подумал.

– Я уже отправил паренька разгружать сундуки, которые я привез, – Рейнар снимает плащ и вешает его на крючок у двери. – Там, во дворе. А еще я прихватил нормальный экипаж. И… твоего Оникса.

– Ты привез Оникса? – Кайан как будто на мгновение показывает свою человеческую, способную к чувствам, сторону.

– Я решил, что проще его доставить сюда, чем объяснять жеребцу, что ты занят государственными делами, – Рейнар снимает с правой руки перчатку и кладет ее вместе с тростью на комод. На левой руке перчатка остается. – В сундуках все, как ты просил – провиант на пару недель. Ну и немного деликатесов, про которые ты, наверное, просто забыл?

По лицу Кайана видно – не забыл. Просто не счел нужным. И не потому, что не захотел кормить подозреваемую и ее прислугу. Просто… Просто сам не нуждается в них.

– Деликатесы? – на комоде, прямо напротив Рейнара, появляется енот. Глаза горят, а лапки подрагивают от предвкушения. – Сыр? Колбаса? Может… копченое мясо?

Гость замирает.

– Говорящий енот?

– Еще немного – и молчаливый воротник, – хмуро заявляет Кайан.

Я вздыхаю и представляю:

– Мой фамильяр и по совместительству хранитель продовольствия. Да, Бродяга? Ты же его хранишь, а не…

Зверек ловит мой выразительный взгляд и немного грустнеет:

– Нет! Нет, конечно! – слишком эмоционально верещит он. – Зорко смотрю и провожу инветра… интвенрат… тьфу! Пересчитываю!

– Бродяга, – окликает его Марта, которая все это время старалась держаться в тени, но наблюдала. – Идем пересчитывать.

– Но я…

– Бродяга, – в ее голосе появляются стальные нотки, и енот тут же сдувается.

Они скрываются на кухне под внимательным взглядом Рейнара.

– Занимательный зверек, – произносит он задумчиво. – Такие встречаются только в определенных местах. Да, Коготь? Идем. Надо посмотреть, где экипаж поставить.

Рейнар выходит на улицу, даже не накинув свой плащ. Экипаж – это только повод.

Кайан смотрит ему вслед, и его плечи медленно опускаются.

– Простите его, – тихо произносит шадхар, потирая переносицу. – У него… специфическое чувство юмора.

– Это защита, шадхар, – отвечаю я, глядя на Кайана. – Как и у вас. Обжечься можно об обоих. Только о вас от холода, а от него – от жара.

– Вы слишком много видите, Элис, – почти шепотом говорит он. – Хотя… Вы же наблюдали.

Он посылает мне хитрую ухмылку и выходит следом за Рейнаром. Как там Марта сказала? “Да поможет мне Хранительница?”

Глава 20. Кайан Рад'Исент

Я спускаюсь с крыльца, вдыхая чуть соленый, влажный ледяной воздух. Он прочищает мысли и немного развеивает туман в голове, от которого я никак не могу избавиться с того самого момента, как выставил щит.

Знал же, что много эфира пропускать через себя не стоит. Сам выбрал – сам заплатил. По крайней мере, могу двигаться и ходить. А самое главное – думать.

Снег скрипит под сапогами, плащ бьет по коленям, а в голове все время крутится загадка неары Торн. Наблюдательная, серьезная, дерзкая… Нет, ее было бы сложно подставить. Но и судя по ее реакции на эфиролиты в камине – они не ее.

Что здесь не так?

Я захожу в сумрак конюшни, которую Бенджи уже успел привести в порядок. Каким бы хлипким и несерьезным паренек не выглядел, нужно признать, работает он на совесть. Пусть работает, только от Элис держится подальше.

В полумраке загорается и гаснет красный огонек. Рейнар тушит дымку о деревянную балку и морщится от того, что я заметил.

– Все никак? – хмыкаю я.

– Вот только давай без твоих нотаций, – он качает головой.

Рейнар снимает свою левую перчатку, обнажая потемневшую, испещренную шрамами кисть и, сжав в кулаке остатки дымки, превращает их в пепел.

Конь, мой Оникс – огромный вороной жеребец со скверным характером – тычется бархатным носом в плечо Рейнара, выпрашивая угощение.

– Только не говори, что без меня ты его уже успел разбаловать, – ворчу я, стараясь развеять напряжение, висящее в воздухе.

Рейнар ненавидит показывать свою слабость. Да и кому это нравится? Не мне точно. Но Элис… У нее как будто компас на это настроен, и она видит сквозь барьеры, которые мы пытаемся выстроить.

Тихий шорох и фырканье коня. Оникс переминается с ноги на ногу, чуя мое приближение, и тянется своей бархатной черной мордой к моей руке.

– Скучал, приятель? – глажу его, легко похлопывая. – И я тоже. Но, видишь, дела. Хорошо, что этот невыносимый шут догадался тебя захватить с собой.

– Скучал? – смеется Рейнар. – По-моему, тебе было некогда скучать! С такой-то… "невинной" контрабандисткой! И как она тебе?

– Она – проблема, Шип, – я встаю рядом с ним, опираясь спиной на стену конюшни.

Присутствие Рейнара, всегда шумное, яркое, сейчас как нельзя кстати. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять. То есть мне нужен был именно он.

– Проблема? – хмыкает Рейнар, доставая из внутреннего кармана флягу с водой. – Не прикидывайся, Коготь. Она очень необычная. Не отрицай. И язык острый, как бритва. Но контрабанда?..

– Внешность обманчива, – я потираю переносицу. Может, именно мысли об Элис у меня вызывают мигрень, а не застарелая рана? – Ночью у нее в камине я нашел дикие эфиролиты. Точнее, не я, енот.

Рейнар присвистывает, улыбка мгновенно сползает с его лица. Он всматривается в мое лицо – знает, чем это для меня грозит.

– Не смотри так. Они были в экранирующей ткани, – говорю я. – Все со мной нормально.

– Не скажу, что по тебе заметно, – язвит Рей. – Но эфиролиты… дикие… Это уже серьезно. Казнь без суда?

– Если бы я хотел ее казнить, я бы уже это сделал, – огрызаюсь я. – Там все сложнее.

– Но почему ты не вытащишь из нее информацию силой?

– Кто-то ее подставляет. Или использует. Или заставляет врать, – говорю я.

– Или кто-то просто запал на подозреваемую, – тихо замечает Рейнар.

Он прекрасно видит мой взгляд, но его это не пугает. Что за бред он несет?

– Что слышно?

Рей отталкивается от стены и разминает шею.

– Арканы в бешенстве, – говорит он то, что я и предполагал. – Ты должен был вынести обвинительный приговор и, желательно, привести его в исполнение. Публичная порка – чтобы было неповадно зариться на эфиролиты, которые принадлежат государству.

Ну да. Государству. А на самом деле горстке власть имущих арканов, которые используют эфиролиты только для того, чтобы еще туже набить свои карманы.

– Там была слишком грубая подделка, – отвечаю я. – Только идиот бы поверил, что эта безвольная девчонка может заниматься таким серьезным делом, как контрабанда.

– Безвольная? – переспрашивает Рей.

Я невольно перевожу взгляд на дом с оранжереей. Эта “безвольная” второй раз за два дня умудрилась заставить меня делать то, что я не собирался.

– Нет, Шип, – возражаю я. – Это Крауг. Но не сам. За ним стоит кто-то, до кого хочется дотянуться.

– Разлом бы побрал твою принципиальность и твой идеализм. Тебе до сих пор не могут простить тот случай. Мало тебе того, что сделали Главным шадхаром. Хочешь, чтобы нашли повод вообще от тебя избавиться? Ты же понимаешь, что они копают под тебя.

Я усмехаюсь. Ничего нового. В ближайшее время они не рискнут ничего со мной делать, а дальше – жизнь покажет. И то неизвестно, сколько мне отмерено.

– Пусть копают. Лопаты сломают. Что еще?

Рейнар наклоняется вперед, его лицо становится серьезным.

– Пока я ехал сюда, видел кое-что странное, – произносит Рей. – Телега.

– Что необычного в телеге у портового города?

– Вид, – коротко отвечает друг. – Он не просто ехал, Кайан. Он наблюдал. За дорогой к поместью. Что-то… ждал?

И я ему верю – у него чуйка намного лучше моей. Поэтому, пока мы работали в паре, были почти непобедимы: его интуиция, моя сила. Только и пострадали мы тоже вместе.

– Человек Крауга? Или связной?

– Дерьмо! – выдыхает Рейнар.

– Именно, – киваю я. – И Элис сейчас мешает.

– Да, – голос друга смягчается. – Ты должен быть осторожен. Если они, – тут Рей делает паузу, давая понять, кого именно он имеет в виду под “они”, – решат, что ты стал слишком самостоятельным или, не дай Хранительница, мягким… Они пришлют кого-то другого. И тогда пострадает не только эта девочка.

До нас доносится раскатистый шум вол, разбивающихся о скалы. Оникс хрустит сеном, чуть пофыркивая. Бенджи шуршит лопатой, убирая снег.

Я молчу. Мне нечего ответить. Потому что, когда шкаф падал на Элис, я не думал. Я просто испугался.

Впервые за много лет я испугался не за себя.

Глава 21

Следующим утром я встала бодрой, как никогда. И готовой решать любые задачи и проблемы.

Наверное, все дело в том, что вечером за ужином никто ни на кого не ворчал, Рейнар шутил так, что я иногда не могла сдержать искренний смех, а Кайан, даже несмотря на весь свой угрюмый вид, который выдавал его головную боль даже без лишних слов, пару раз поделился едой с Бродягой.

Марта и Бенджи не стали ужинать с нами. Но, с другой стороны, это у меня нет сословных рамок, а им наверняка среди нас было бы некомфортно.

Потянувшись, я встаю, оставив Бродягу досыпать среди одеял, выключаю эфиролитовую лампу и открываю ставни. Да, сегодня день не радует солнышком, как вчера, но и болезненно угрюмым он тоже не кажется. Просто зимний день.

Марта кормит меня завтраком – воздушный омлет со свежими овощами не может не радовать – и говорит, что шадхар с другом уже ушли куда-то, а Бенджи готовит все для того, чтобы начать ремонт оранжереи, как я и просила.

– Это замечательно, Марта, – с улыбкой произношу я, отпивая свой любимый кофе.

С пятью ложками сахара и молоком. Какое счастье, что в этом мире тоже есть этот напиток – утро становится еще прекраснее. А голова начинает работать быстрее.

– Как рука?

– Ох, Элис! – Марта всплескивает руками и останавливается, кажется, не зная, что сказать. – Я и не думала, что может быть так… Один денечек, а кажется, будто неделя прошла.

– Марта, только давай без героических подвигов? – я кладу ей руку на плечо. – Это средство из шипа, конечно, хорошее и способствует заживлению. Но оно обезболивает, отчасти поэтому тебе сейчас так легко. Но и потревожить ожог тоже просто. Дай ему время, договорились?

Она качает головой, но почему-то я уверена, что она послушает меня.

Лаборатория встречает меня чистотой, которую мне вчера помог навести шадхар, разложенными чистыми инструментами и посудой. А еще не разобранными рядами реактивов. Ну или того, что ими должно быть.

Есть полезные вещи типа той же камеди, что я нашла. Винно-каменная кислота, уксус непонятной крепости, даже концентрированная серная кислота в трехгранной баночке с черной этикеткой и белой надписью.

А есть порошки, которые я не могу разобрать ни на запах, ни по цвету. Ну… на вкус я точно пробовать не буду. Поэтому от них я без зазрения совести избавляюсь, чтобы даже случайно они не попались.

Есть небольшие запасы сушеных лепестков календулы, измельченный корень валерианы и немного чабреца. То есть что-то простейшее действительно можно сделать. А еще, что меня особенно радует, я нахожу кору ивы.

Вот из нее и сделаю простейшее обезболивающее для шадхара. Вдруг поможет?

Я накануне вечером, пока не могла заснуть, штудировала журнал мамы Элис. Рано я обрадовалась, что у нее рецептов много. Во-первых, там все было вперемешку с какими-то бытовыми заметками. А во-вторых, все на глаз! Того – щепотку, этого – горстку. Да там даже капли, и те были примерно.

Может, потому что коромысло у весов погнуто. А может, потому что так быстрее. Не было у нее времени все отмерять. Да у нее перегонный куб весь налетом изнутри покрыт, откуда спирту чистому взяться?

– Тебя придется чистить песком и кислотой, дружок, – вздыхаю я, проводя пальцем по боку куба.

Я окидываю взглядом лабораторию. Все же не с нуля. Справлюсь. Готова хоть сто раз себе это сказать, чтобы поверить. Вчера вон как грязно было, а сегодня даже дышится легче.

Вот и дальше – маленькими шажками сделаю большое дело.

В поисках Бенджи выхожу на улицу. На хозяйственном дворе он колет дрова.

– Доброго утра! – окликаю я его, а его лицо озаряется светлой мальчишеской улыбкой.

– И вам, госпожа, – он вытирает рукавом нос и втыкает топор в пенек.

Ладонь перемотана какой-то грязной тряпкой и явно доставляет ему неудобство.

– Ну-ка, что это у тебя там? – я киваю на его рану, а он пытается убрать руку за спину. – Покажи.

Мне приходится строго посмотреть на него, чтобы он не юлил, и Бенджи все же сдается.

– Да вчера неудачно ворота в сарае открывал, – говорит он. – Там затвор проржавел, не поддавался.

– Угу, – хмыкаю я. – А потом как поддался…

Пытаюсь убрать засаленную, пропитанную кровью ткань, но она прилипла.

– Так, идем на кухню к Марте, будем приводить тебя в порядок, – ворчу я. – У нас не поместье, а тридцать три несчастья для его обитателей.

Бенджи понуро плетется за мной, но не спорит. Да и кто с хозяевами-то спорить будет?

– Вы какая-то другая, – задумчиво говорит конюх. – Смелая.

Я едва не спотыкаюсь, но заставляю себя сохранять спокойствие.

– Будешь тут смелой, когда над душой если не шадхар, то сборщики налогов стоят, – вздыхаю я. – И кое-кто еще и не жалеет себя.

Мы заходим на кухню, и я посылаю ему выразительный взгляд, а конюх, кажется, поникает еще больше.

– Выше нос, Бенджи, – надо же все-таки подбодрить парня. – Ты очень большой молодец. Но к себе надо бережней, а то кто мне и Марте помогать будет?

– Эй! А я чем не помощник? – вставляет свои пять копеек Бродяга.

– Отличный помощник! – соглашаюсь я. – Тащи чистые тряпки.

Кажется, енот ждал чего-то другого, но решает не спорить и исчезает. Сама я берусь за кипяченую воду, промываю рану и, подтвердив свои опасения, что она уже начинает воспаляться, крепко задумываюсь.

Антибиотиков, ясно, тут нет. Спирт – одно название, его еще не один раз перегнать надо, а сам перегонный куб требует очистки. Нужно что-то… Что-то…

Тут мне на ум приходит, как мама Элис упоминала мох, который растет на южной стороне скал. Если я правильно по описанию поняла, это исландский мох, который проявлял свойства антибиотика *invitro*. А усниновая кислота, как его действующий компонент, сохраняется даже в отваре.

Это недалеко. И неопасно, раз мама Элис собирала. Технически – я даже за пределы поместья не выйду, так что шадхару не на что будет ругаться. Заодно прогуляюсь, посмотрю, чем мы богаты, раз уж оранжерея в упадке.

Но если цетрария действительно там есть, это может стать отличным вариантом для создания действенных лекарств. И востребованных, самое главное. Уж в качестве средства от кашля – точно пойдет.

Я беру небольшую корзинку и нож и выхожу из дома. Воздух на улице такой плотный и влажный, что его можно пить. Пахнет солью, йодом и прелой хвоей. Я даже останавливаюсь ненадолго, чтобы закрыть глаза и насладиться от души этим сочетанием запахов.

Особняк стоит на скале, тропинка, едва заметная под слоем прибитого инеем снега, петляет между старыми елями, корни которых, словно узловатые пальцы, цепляются за каменистую почву.

Справа – обрыв и беснующееся внизу Стальное море.

Идти страшно. Ноги скользят по обледенелым камням. Я цепляюсь за выступы скалы, стараясь не смотреть вниз, где на черном фоне мокрых камней белеет пена.

Особняк еще не скрывается из вида, а я уже нахожу нужное. Говорила же, что далеко не придется уходить!

Небольшие зеленые кустики мха. Если быть совсем точной, то лишайника.

С удовлетворением отмечаю, что его тут много – а значит, не только Бенджи хватит. Можно еще для продажи засушить. Но главное – срезать аккуратно, не повреждая основу. И не переборщить.

Присаживаюсь на корточки и начинаю не торопясь собирать цетрарию. Пальцы мгновенно дубеют от холода, но потихоньку корзина наполняется почти наполовину. А мне больше сейчас и не надо.

Я уже поднимаюсь, когда слышу шорох. Не шум моря, не крик чайки. Хруст гравия под подошвой.

Резко оборачиваюсь, но не успеваю заметить, кто там. Жесткий толчок в спину выбивает воздух из легких. Земля уходит из-под ног. Я не кричу – горло перехватывает спазмом.

Пальцы судорожно цепляются за воздух, потом за скользкий камень, сдирая ногти.

Я вишу. Сама не знаю как, но вишу. Подо мной – бурлящая бездна и гул, с которым разбиваются волны.

Сверху, на краю обрыва, стоит фигура. Лица не вижу – оно скрыто глубоким капюшоном. Только тень.

Глава 22

Второй раз за несколько дней умереть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.